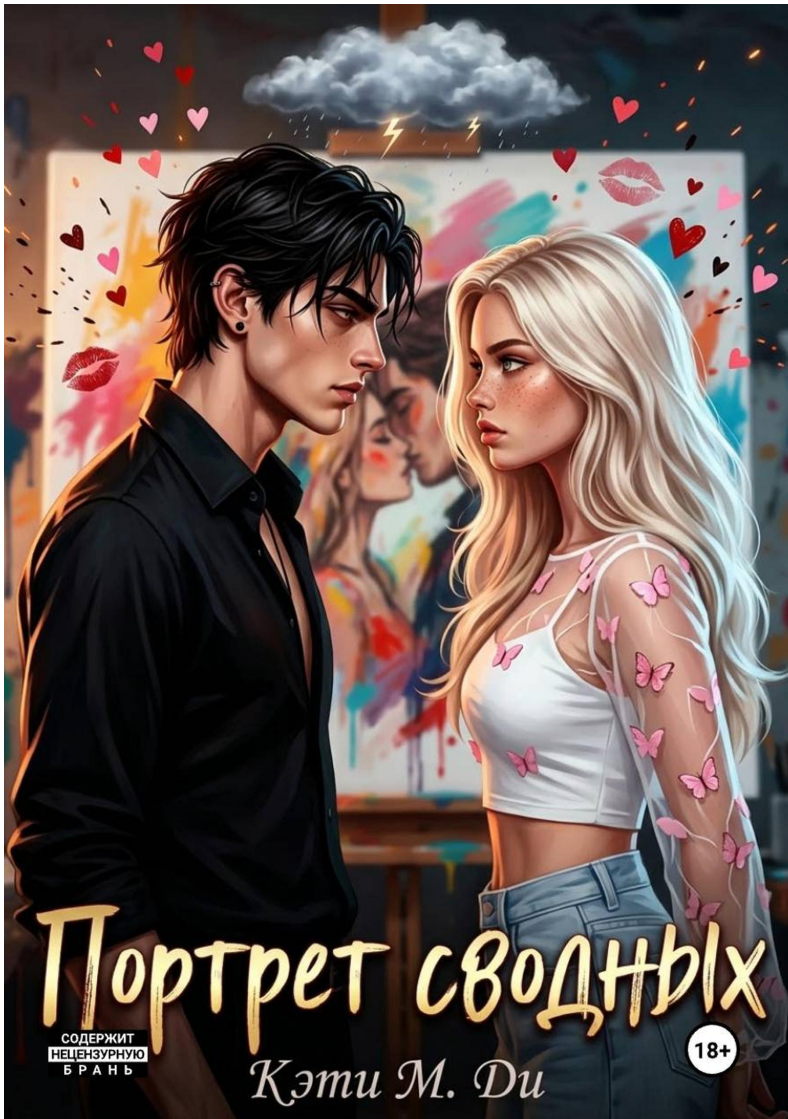

Портрет сводных

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кэти М. Ду

18+

Кэти Ди

Портрет сводных

<https://litres.ru/74602624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь изменилась, когда мама снова вышла замуж, а меня перевели в элитную академию. Наш новый дом принадлежит медиамагнату, но его сын, Кирилл Чернов, считает себя хозяином этой территории.

Он циничен, опасен и привык всё контролировать. Включив режим жесткого «надзирателя», Кирилл обещает превратить мою жизнь в ад, требуя, чтобы я убиралась из его семьи.

Но он не учёл одного: моё оружие против его ярости — равнодушие. Я собиралась просто учиться на факультете искусств и игнорировать сводного брата. Однако один ночной визит, один безумный, собственнический поцелуй и хлёсткая пощечина стирают все наши границы.

Мы объявили друг другу войну, где ставки — ревность, гордость и бешеное притяжение в миллиметре от поцелуя. Мы искренне ненавидим друг друга.

Но почему тогда в моем альбоме страница за страницей прорисованы только его глаза?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	65
Глава 8	73
Глава 9	86
Глава 10	97
Глава 11	102
Глава 12	112
Глава 13	126
Глава 14	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Кэти Ди

Портрет сводных

Пролог

Повествование от лица Кирилла

Вспышка. Ещё одна. Звук затворов профессиональных камер смешивался со звоном хрустальных бокалов и приглушенным смехом элиты города.

Я ненавидел эти вечера. Но ещё больше я ненавидел повод, по которому отец собрал весь этот пафосный сброд в нашем загородном особняке.

— Кирилл, встань ровнее, — сквозь зубы процедил отец, натягивая на лицо свою фирменную улыбку для прессы. — И прекрати смотреть так, будто готов кого-нибудь прирезать. Сегодня особенный день.

Особенный. Мой чёртов отец, чьё состояние исчислялось одиннадцатизначными цифрами, женился во второй раз. Его избранницей стала статная, расчетливая бизнес-вумен с безупречной репутацией и... прицепом в виде двадцатилетней дочери.

Я лениво перевел взгляд на лестницу. Вот и они.

Новоиспеченная мачеха выглядела как дорогая статуэтка, но меня интересовала не она. Чуть позади шла её дочь. Ксе-

ния Светлова.

Она была нереально, раздражающе светлой. Слишком длинные волосы, фарфоровая кожа, усыпанная едва заметными веснушками, и огромные, ледяные серо-голубые глаза. Она выглядела как хрупкая ангельская кукла, которую случайно занесло в логово к чертям.

Когда наши взгляды встретились, я намеренно смерил её самым презрительным, тяжелым взглядом, на который был способен. Большинство девчонок в этот момент вжимали голову в плечи.

Но Ксюша? Она даже бровью не повела. В её глазах не было ни страха, ни благоговения перед моим отцом, ни желания понравиться. Там было абсолютное *НИ-ЧЕ-ГО*. Равнодушие в чистом виде. Она скользнула по мне взглядом, как по пустому месту, и отвернулась к официанту с шампанским.

В груди мгновенно появилась злость.

«Ты ещё не знаешь, куда попала, Светлова, — подумал я, сжимая бокал так, что побелели костяшки. — Я сделаю всё, чтобы ты сама умоляла мать собрать чемоданы. Это мой дом. Мой вуз. Мой город. И тебе здесь не рады».

Глава 1

Повествование от лица Ксюши

Каждая вещь, которую я опускала на дно чемодана, казалась мне маленьким якорем, удерживающим в прошлой жизни. Любимые кисти в потертом кожаном пенале, тюбики масляной краски, пахнущие льняным маслом, пара свитеров крупной вязки, в которых я привыкла прятаться от осенней сырости. Я не суетилась. Развод родителей не сломал меня, как это часто бывает, а сделал только сильнее. Наверное, потому, что в нашей семье не было грязи, криков и битой посуды.

Мама — железная бизнес-леди, научившая меня стилю, гордости и умению держать лицо при любых обстоятельствах.

Отец — прагматичный, спокойный стратег, крупный предприниматель в сфере логистики, который всегда вкладывал в меня понимание того, что тишина — это самое мощное оружие. Я взяла лучшее от обоих. Я любила их одинаково сильно, и каждый из них вливал в меня свои знания, формируя мой внутренний стальной стержень. Я умела молчать, когда нужно, и никогда не позволяла ломать свои границы.

— Это глупая идея, — раздался от двери знакомый, чуть хрипловатый голос.

Я обернулась. Отец стоял, прислонившись плечом к кося-

ку, и скрестив руки на груди. В его глазах читалась грусть, которую он так тщательно пытался скрыть за напускным ворчанием. Он тоже работал в бизнесе, но в другом городе, и его дела требовали скорого переезда. Через месяц этот огромный, родной дом должен был опустеть.

— Мне тоже эта идея не нравится, пап, — я тепло улыбнулась, аккуратно закрывая замок чемодана. — Но ты же знаешь. Маме нужна поддержка. Она три года шла к этим отношениям, скрывала их от прессы, и раз уж они с Игорем Черновым наконец-то решили пожениться и она уезжает в столицу, я должна быть рядом. Хотя бы на первых порах.

— Ты могла остаться здесь, — отец вздохнул, проходя вглубь комнаты и садясь на край моей опустевшей кровати. — Или переехать в свою квартиру.

— И слушать мамины скандалы по телефону каждый день? Ну уж нет, — я усмехнулась, расправляя плечи. — К тому же, ты всё равно уедешь тоже через месяц. Не вижу смысла оставаться одной. Мама устроит грандиозный скандал из-за того, что я «бросила её в такой важный жизненный момент». Да и, насколько мне известно, столичная академия искусств очень хорошая, у них сильная кафедра живописи. В этой я сидела только ради тебя и подруг. Пора двигаться дальше.

Отец замолчал, внимательно вглядываясь в мое лицо. Он искал признаки страха или сомнения, но видел лишь мое привычное, флегматичное спокойствие. Наконец, он сдался.

Тяжело вздохнул, шагнул ближе и применил свой излюбленный прием — ладонью взъерошил мне волосы на макушке, разрушая аккуратный пучок.

— Знаю, Ксюшка, знаю, — тихо отозвался он. Его жесткое лицо потеплело, но уже через секунду он резко отстранился и строго выставил вперед указательный палец. — Обещай звонить тут же. По любому поводу.

— Обещаю, — отозвалась я.

Бросив чемодан прямо посреди комнаты, я сделала шаг вперед и крепко обняла его за шею. Я уткнулась носом в его плечо, вдыхая знакомый запах дорогого парфюма, табака и кожи. На мгновение мне показалось, что я снова маленькая девочка, которую папа защитит от любой бури.

— Буду скучать каждый день, пап, — прошептала я, крепче сжимая пальцы на его пиджаке.

— Я тоже, мелкая, — он похлопал меня по спине, а когда отстранил, его брови сошлись на переносице. — Если тебя этот Кирилл, сынок Чернова, будет обижать... только скажи. Мне не трудно купить билет на ближайший рейс и объяснить мальчику правила хорошего тона.

Я не сдержала искреннего смешка, вспомнив восторженные телефонные монологи мамы, которые она выдавала мне последние полгода.

— Не переживай. Судя по маминым рассказам, он душка. Помогает отцу с делами, вежливый, воспитанный мальчик. Мы ладно уживемся, я уверена.

Отец проводил меня вниз, помогая катить тяжелый чемодан. На улице уже мягко урчало мотором подъехавшее такси. Он довел меня до самой машины, аккуратно придержал дверцу и ещё раз крепко поцеловал в щёку.

— Набери, как доберешься. Желательно по видео, чтобы я видел, что ты в порядке, — тихо, но твердо попросил он, заглядывая мне в глаза.

— Обязательно, пап. Сразу из нового дома наберу, — я улыбнулась, садясь на заднее сиденье.

Я помахала ему рукой через опущенное стекло. Машина плавно тронулась, отдаляя меня от родного крыльца. Поздоровавшись с таксистом, я попросила: «До аэропорта, пожалуйста», и откинулась на спину, прикрывая глаза.

Электронный билет на самолет уже висел у меня на почте как неделю. Мама, в силу своего характера, все продумала и распланировала заранее. Она не просто организовала мой переезд, она буквально выбила мне место в элитной столичной академии при престижном университете. В том самом, где учился этот хваленый Кирилл. Вот только он учился на факультете международного бизнеса, а я переводилась на искусство.

«Будете общаться, подружитесь, Кирилл тебе все покажет», — щебетала мама в трубку.

Я тогда лишь равнодушно соглашалась. Мне было все равно. Я собиралась просто плыть по течению, учиться и не лезть в чужую жизнь.

В аэропорту среди бесконечного потока людей меня встретил высокий мужчина в строгом темном костюме. В руках он держал лаконичную белую табличку, на которой размашистым маркером было выведено: «*Чернова Ксюша*».

Меня аж передернуло. Чужая фамилия, прикрепленная к моему имени, обожгла изнутри, словно клеймо, к которому я ещё совершенно не была готова. Прежняя, спокойная реальность окончательно дала трещину. Но я ничего не сказала мужчине. Лишь молча кивнула, позволяя забрать мой чемодан, и пошла следом за ним к парковке.

Он благополучно довез меня до места. По дороге я пыталась морально подготовить себя к тому, что увижу. Я ожидала увидеть просто большой, очень богатый особняк, но то, что в итоге открылось передо мной за высокими коваными воротами, лишило меня дара речи. Назвать это обычным домом язык бы не повернулся. Огромное, монументальное сооружение из темного гранита, стекла и бетона поражало масштабами и какой-то роскошью. Архитектура буквально кричала о безграничной власти. Глядя на это монументальное здание, казалось, будто владелец этого места — не просто успешный бизнесмен, а настоящий господин всего мира, привыкший подчинять себе абсолютно всё.

Мама тут же встретила меня на самом пороге. Она выглядела безупречно, но стоило ей увидеть меня, как вся её деловая строгость мгновенно испарилась. Мама бросилась навстречу, крепко обнимая, целуя в обе щеки и не давая мне

даже вставить слова. Мы не виделись около четырех месяцев — за всё это время наши контакты ограничивались лишь бесконечными видеозвонками и короткими СМС из-за её предсвадебной суматохи.

— Боже, дочка, я чуть не сошла с ума! — взволнованно проговорила она, отстраняясь и преданно заглядывая мне в лицо. Её глаза блестели от подступивших слёз. — Это так волнительно. Наконец-то ты здесь.

Она не дала мне времени даже осмотреться на крыльце. Тут же крепко подхватила меня за руку и настойчиво потащила внутрь огромного, сияющего прохладой дома.

Внутри дом оказался ещё более монументальным, чем снаружи. Когда парадные двери закрылись за нашей спиной, я на секунду замерла, невольно разглядывая холл. Огромное, залитое мягким светом пространство больше напоминало какой-нибудь закрытый столичный музей или старинный дворец, адаптированный под современную роскошь. Белоснежный мраморный пол с идеальными черными узорами блестел так сильно, что в нём, как в зеркале, отражалась гигантская хрустальная люстра, свисающая со сводчатого потолка. По обеим сторонам холла высились огромные вазы с пышными букетами белых роз, а стены украшала изящная лепнина и массивные картины в темных рамах. Прямо по центру плавной дугой уходила вверх огромная мраморная лестница с витыми коваными перилами, ведущая на открытую галерею второго этажа. В глубине дома, за высокими ар-

ками, угадывалась просторная гостиная с камином и мягкими диванами крем-брюле.

С этой самой величественной лестницы уже спускался мужчина. Как я поняла по маминым фотографиям, это был сам Игорь Чернов. Его внешность идеально соответствовала масштабам этого дома: высокий, статный, с безупречной осанкой и аккуратной сидящей щетиной, которая лишь придавала ему благородства. На нем был строгий темно-серый костюм, сидевший так идеально, будто его шили лучшие портные мира, а на запястьях поблескивали дорогие часы. Несмотря на весь свой статус господина этого маленького королевства, он открыто и очень тепло улыбался.

— Ксения, добро пожаловать, — его низкий, уверенный голос эхом разнесся по высокому холлу. Он спустился к нам, приветливо кивнул и мягко, чисто по-отцовски пожал мне руку. — Мы очень рады, что ты наконец-то доехала. Надеюсь, дорога не сильно тебя утомила?

— Здравствуйте, Игорь. Спасибо, всё прошло отлично, — вежливо ответила я, удерживая на лице спокойную, приветливую улыбку, которой меня учил отец.

— Сейчас тебе покажут дом, проводят в твоё крыло, где будет твоё крыло, — Игорь обернулся к слуге, который уже заносил мой чемодан, а затем снова посмотрел на меня с мягкой заботой в глазах. — Располагайся. Обязательно приведи себя в порядок после перелета, отдохни и чувствуй себя как дома. Теперь это и твой дом тоже.

Мама, которая до этого крепко держала меня за локоть, вдруг виновато вздохнула и слегка сжала мои пальцы.

— Доченька, ты только не обижайся, — быстро заговорила она, переводя взгляд на мужа, а потом снова на меня. — У нас с Игорем буквально полчаса назад резко изменились планы по бизнесу. Срочная встреча с партнерами, которую никак нельзя перенести. Мы задержались дома только для того, чтобы лично встретить тебя с самолета. Нам нужно бежать прямо сейчас.

— Мам, ну о чем ты говоришь, всё в порядке, — я мягко прервала её излияния, искренне улыбнувшись. Для меня такое развитие событий было даже облегчением. Меньше пафосных разговоров в первый час. — Конечно, поезжайте. Я как раз хотела распаковать вещи и немного побыть в тишине. Спасибо, что дождались.

Они ещё раз обняли меня, Игорь повторил, чтобы я ни в чем себе не отказывала, и они вместе поспешили к выходу, оставляя меня наедине с этой огромной гранитно-мраморной крепостью.

Помощник Игоря вежливо жестом пригласил меня следовать за ним. Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж и пошли по длинным, уединенным коридорам, где шаги тонули в мягком ковре. Здесь было тише и уютнее, чем внизу, но ощущение, что я нахожусь на чужой территории, не покидало меня ни на секунду.

Я вошла в комнату, и дверь за помощником Игоря тихо

закрылась. Комната оказалась просторной, светлой и, к моему удивлению, очень уютной. Здесь уже всё было подготовлено к моему приезду: массивный платяной шкаф пустовал в ожидании моих вещей, у стены стоял удобный письменный стол, который идеально подходил для набросков, а в центре высилась огромная кровать с кучей мягких подушек.

Я со вздохом блаженства опустилась на матрас, вытянулась во весь рост и уставилась в красивый высокий потолок, украшенный едва заметной, изящной лепниной. В воздухе плыл тонкий, едва уловимый аромат лесных ягод и ванили. Я принялась и улыбнулась. По углам на небольших комодах стояли декоративные вазы, из которых и шёл этот запах — приятные парфюмированные саше. Судя по ягодному аромату, здесь явно постаралась мама. Она отлично знала, как сильно меня расслабляют такие запахи. И, видимо, прекрасно понимала, что сейчас я нахожусь в небольшом, но отчетливом напряжении от смены обстановки.

Вспомнив о главном обещании, я тут же выудила из кармана свитера телефон и отыскивала в контактах отца. Нажала на значок видеовызова. Экран моргнул, пошли гудки. Отец ответил спустя всего пару секунд, будто сидел с телефоном в руках и ждал моего звонка.

— Ну привет, столичная штучка, — на экране появилось его родное, чуть усталое, но тепло улыбающееся лицо. За его спиной угадывался интерьер его рабочего кабинета. — Добралась? Как долетела?

— Привет, пап. Всё отлично, долетела с комфортом, встретили как королеву, — я перевернулась на живот, подперев подбородок ладонью и переводя камеру в режим обзора. — Смотри, какую комнату мне выделили.

Я медленно покрутила телефоном, показывая ему просторную спальню, панорамные окна и ягодные вазы. Отец внимательно всматривался в экран, оценивая обстановку своим строгим мужским взглядом. На удивление, он не сказал ни единого колкого слова в сторону маминых вкусов, хотя обычно любил поиронизировать над её страстью к излишней роскоши.

— Ну, выглядит вполне достойно, Ксюш, — одобрительно хмыкнул он, когда камера снова вернулась к моему лицу. — Светлая, просторная. Для твоих рисунков самое то. Но по глазам вижу, что ты выжата как лимон. Перелет и разница во времени дают о себе знать.

— Есть немного, — призналась я, утыкаясь носом в подушку. — Тело затекло.

— Значит так, Ксюшка. Хватит пока экскурсий. Отключай телефон и ложись поспать хотя бы пару часов. Тебе нужно набраться сил перед завтрашним днём.

— Хорошо, пап. Спокойно отработать тебе, — я тепло улыбнулась экрану. — Обещаю позвонить, как только смогу. Люблю тебя.

— И я тебя, мелкая. Отдыхай.

Экран погас. Я полежала минуту в тишине, чувствуя, как

комната постепенно становится более осязаемой и понемногу принимает меня. Затем я поднялась, подошла к огромному французскому окну и потянула за ручку. Створки плавно разошлись, открывая двери небольшого изящного балкончика. В комнату тут же ворвался свежий, прохладный воздух, разбавляя приторную сладость ягодных ваз.

Вернувшись назад, я с разбегу снова плюхнулась на кровать, раскинув руки в стороны. Тело приятно ныло от многочасового сидения в самолете и машине, но какая-то странная, волнительная легкость всё равно присутствовала внутри. Сонливость, о которой говорил отец, почему-то отступила. Вместо этого во мне проснулось глупое любопытство. В голове завертелись мамины слова про «воспитанного мальчика-душку».

Появилось четкое желание спуститься, наконец познакомиться с Кирилом и просто спросить у него, где здесь вообще всё находится в этом гигантском лабиринте.

Глава 2

Повествование от лица Кирилла

Я проспал добрую половину дня, и это, без сомнения, было лучшим началом недели за последнее время. Отец с мачехой куда-то свинтили прямо с порога — я слышал сквозь сон, как внизу хлопнула входная дверь и зашуршали по гравию шины его мерседеса. Отличные новости. Значит, у меня в запасе есть хотя бы несколько часов блаженной тишины до вечера. Можно выдохнуть и не слушать бесконечные, приторно-сладкие монологи о том, что «теперь, Кирилл, у тебя будет сестра», «вы должны подружиться» и «она будет жить с нами».

Мне, честно говоря, одной мачехи хватило с головой. Поначалу безумно бесило, что она пришла в наш дом и начала тут хозяйничать, переставлять вещи и строить из себя новую хозяйку. Но со временем я как-то притерпелся и привык. Стоило отдать ей должное: благодаря её появлению отец хотя бы перестал круглосуточно наседать на меня со своими наравоучениями и бизнес-планами. Мачеха вообще умудрилась покуситься на мою защиту перед ним — она искренне считала меня пай-мальчиком, аккуратно сглаживая все углы, когда я косячил. Да и чего греха таить, классная она женщина. Если, конечно, не лезет в мои дела.

Но мысль о том, что теперь по коридорам будет ходить

ещё одна посторонняя девчонка, вымораживала.

В животе требовательно заурчало, напоминая, что за весь день я не съел ничего тяжелее чашки утреннего кофе. Лениво потянувшись, я накинул свободные серые спортивные штаны, даже не утруждая себя поиском футболки, открыл дверь и вышел из своей комнаты. Мысли были заняты исключительно тем, что бы такое сожрать на кухне, пока дом пустует.

Я завернул за угол длинного коридора, на ходу приглаживая взъерошенные после сна волосы, как вдруг в меня на полной скорости кто-то с размаху врезался.

— Твою мать! — негромко выругался я, инстинктивно выставляя руки вперёд, чтобы удержать равновесие и не снести полетевший в сторону объект.

В голове сразу промелькнула злобная мысль наорать на служанок, которые вечно бродят тут со своими тряпками и не смотрят по сторонам. Но, опустив взгляд, я осекся. Поток мата застрял где-то в горле.

Передо мной стояла девчонка. Маленькая — едва доходила мне до плеча. Она смешно выпучила от неожиданности свои огромные, ледяные серо-голубые глаза, а в побледневших пальцах сжимала пластиковую бутылку с водой, которую, видимо, успела раздобыть. На ней были дурацкие, широкие светлые брюки в мелкий розовый цветочек и короткий нежно-розовый топ, открывающий полоску живота. Волосы были небрежно заколоты на затылке какой-то лентой, и вся

она — светлая, пахнущая какими-то ягодами — выглядела в моем мрачном коридоре как инородное тело. Будто её вырезали из другой картинки и силой вставили сюда.

Судя по всему, это и была та самая Ксюша. Моя новоиспеченная «сестрица».

Я насупился, намеренно врубая свой самый тяжёлый, давящий взгляд, и скрестил руки на голой груди, сверху вниз разглядывая нарушительницу моего спокойствия.

Я молча рассматривал её сверху вниз, намеренно задерживая взгляд на дурацких штанах в цветочек, а затем на тонкой талии. Девчонка несколько раз растерянно захлопала ресницами, окончательно приходя в себя, и принялась рассматривать меня в ответ. Скользя глазами по моим голым плечам, кубикам пресса и татуировкам, она вдруг густо покраснела. Это было забавно — её фарфоровые щеки мгновенно залил пунцовый румянец. Ксюша поспешно отвела взгляд в сторону, неловко переступила с ноги на ногу и тихо прокашлялась, пытаясь вернуть лицу прежнее равнодушное выражение.

— Ты Кирилл? — спросила она.

Этот её дурацкий, чистый и мелодичный голос, прозвучавший в тишине коридора, моментально залез мне под самую кожу, вызвав раздражение. Я лишь медленно провел языком по зубам, недовольно цыкнул и ещё сильнее нахмурился, демонстрируя, как сильно я «рад» этой встрече.

— Допустим, — неохотно буркнул я, не меняя позы. — А

ты, значит, сводная радость, с которой мне приказали нянчиться?

Ксюша выпрямила спину, упрямо вздернула подбородок, а краска с её лица начала медленно сходить.

— Игорь сказал, что ты покажешь мне дом и объяснишь, где здесь что находится, — ровно произнесла она, поудобнее перехватывая свою бутылку с водой. — Мама уехала, а я в этом лабиринте даже кухню найти не могу. Покажешь?

— Я что, похож на гида? — язвительно отозвался я, криво усмехнувшись. — Экскурсии окончены, сестрица.

Я сделал широкий шаг вперёд и, обходя её, намеренно, с силой толкнул её своим плечом в плечо. Девчонка оказалась настолько легкой, что от этого толчка ощутимо отшатнулась в сторону, едва удержав равновесие на скользком паркете.

— Сама разберёшься, не маленькая, — бросил я через плечо, даже не повернув головы, и зашагал напрямик по коридору в сторону лестницы, ведущей на кухню. Настроение было подпорчено, в груди ворочалась непонятная злость на её дурацкий парфюм и этот спокойный тон.

— М-да-а... — донесся до меня из глубины коридора её голос, который внезапно стал гораздо более строгим, холодным и звонким. В нём больше не было ни капли той девичьей стеснительности. — И как только мама могла назвать тебя «паем»? Идиот редкостный.

Я резко замер на месте, а пальцы сами собой сжались в кулаки. Обернувшись, готовый высказать этой пигалице всё, что я

думаю о ней, её мамочке и их вещах в моем доме, но коридор уже был пуст. До меня донеслись лишь быстрые, удаляющиеся шаги — Светлова уверенно пошла в противоположную сторону, громко стуча пятками по полу.

Я лишь скривился лицом и прошагал на кухню. Достал из холодильника всё, что только можно было найти, вывалил весь этот продуктовый беспорядок на стол и, не удосужив себя даже тем, чтобы разогреть еду, резко повернулся к кухне:

— Свободны. Оставьте меня одного.

Женщина понимающе кивнула и поспешно выскочила из помещения. Я уселся за высокий барный столик, врубил плазму на стене на полную громкость и стал жевать, совершенно не заботясь о манерах. Заталкивал в себя куски холодного мяса и сыра, думая только об одном: я в своём доме. Долой правила, долой пафос и этот грёбанный этикет, которым отец дрессировал меня с самого детства. Здесь я устанавливаю законы.

Вдруг телефон в кармане штанов завибрировал, отзываясь входящей смской. Я выудил его и глянул на экран. **Камила.**

Моя сладкая дьяволица, с которой мы то сходились, то расходились последние полгода. Она писала, что её предки свинтили из дома на всю ночь. Я даже расплылся в довольной улыбке, чувствуя, как злость после встречи со сводной понемногу отпускает.

«Наконец-то», — прошептал я себе под нос и быстро застучал пальцами по экрану, отвечая, чтобы ждала меня через час.

Ответ прилетел мгновенно. Камила не стала тратить время на буквы, а просто скинула фотку в полупрозрачном чёрном комплекте белья.

— Блять... — выругался я вслух, чувствуя, как кровь резко приливает к паху. Какая, к чёрту, еда.

Я отшвырнул недоеденный бутерброд прямо на стол, за секунду набрал:

«40 минут», заблокировал мобильник и тут же бросился в сторону лестницы.

Я перескакивал через две ступени, как вдруг на самом повороте снова со всего маху врезался в эту идиоку!

Бутылка с водой в её руке хруснула, а сама она едва не отлетела к стене.

— Да какого хера ты под ноги лезешь?! — взревел я на весь дом, еле удерживаясь, чтобы не схватить её за плечи и не встряхнуть хорошенько.

Я обошёл её стороной, буквально взлетая по лестнице дальше. Девчонка снова выставила на меня свои выпученные большие глаза, в которых на долю секунды промелькнул испуг.

— Извини, — тут же тихо отозвалась она.

А затем, как ни в чем не бывало, поправила сползшую лямку своего топа и пошагала дальше, медленно вертя голо-

вой по сторонам. Видимо, упрямо продолжала свою долбаную экскурсию в одиночку.

Я замер прямо на площадке второго этажа, так и не дойдя до своей комнаты. Обернулся и уставился на её удаляющуюся хрупкую спину. Серьезно? Подумал я. Я в неё врезался, я на неё наорал, а она... просто извинилась? Ну точно чёкнутая. Какая-то блаженная, ей-богу.

Я раздраженно выдохнул сквозь зубы. Посмотрел на часы на телефоне — время поджимало, Камила ждала. Но смотреть, как эта пигалица с потерянным видом кружит по первому этажу, как слепой котёнок, было выше моих сил. Разозлившись на самого себя, я развернулся, шумно сбежал по ступеням вниз, нагнал её в два шага и схватил под локоть.

— Эй! — запротестовала она от неожиданности, дёрнувшись в моей руке, но я даже не подумал ослабить хватку.

— Слушай сюда и запоминай с первого раза, дважды повторять не буду, — быстро заговорил я, потащив её за собой по коридору. Она едва успевала перебирать своими маленькими ногами в этих смешных широких штанах, семена за мной так нелепо, что мне на секунду даже засмеяться хотелось. Но я удержал спокойную мину.

— Здесь кухня, — я резко махнул свободной рукой в сторону открытых дверей, откуда только что сбежал. — Там дальше гостиная, кабинет отца, а выход к бассейну — вон через тот коридор. Там же зона прислуги, делать тебе там нехер, ясно?

Я развернул её на пятках и потащил в противоположное крыло, продолжая свой скоростной инструктаж. Ксюша молчала, только тяжело дышала и упрямо пыталась высвободить локоть.

— На первом этаже спальня родителей, гостевые комнаты, сауна, игровая, бильярдная — короче, вся херь для тусовок и бизнес-партнеров отца. На втором этаже моя комната и твоя, напротив. Так же там пара гостевых, библиотека и кабинет твоей матери. Дальше сама разберешься, я тороплюсь!

Я снова выволок её из темного коридора и буквально вытолкнул обратно на светлую кухню, наконец-то отпуская её руку. На нежной фарфоровой коже её предплечья наверняка останутся красные следы от моих пальцев, но мне было плевать.

— Всё, давай. Экскурсия окончена, — отрезал я, разворачиваясь на пятках, и на этот раз окончательно скрылся на втором этаже, чтобы переодеться и свалить из этого дома к Камиле.

Я влетел в свою комнату и оделся буквально за пять минут, вообще не заботясь о внешности. Схватил первые попавшиеся джинсы, натянул какую-то футболку, подхватил со стола мобильник и ключи от машины. Время безжалостно поджимало, Камила наверняка уже исходила на говно от нетерпения.

Я снова побежал на выход. На бешеной скорости выскочил из спальни и на повороте к лестнице даже слегка про-

ехался белыми носками по гладкому лакированному полу, едва не вписавшись бедром в перила. Как настоящий слон, шумно топая, я спустился по лестнице, собираясь вылететь из дома. Но, пробегая мимо кухни, я на секунду замер. Какое-то странное шестое чувство заставило меня резко затормозить.

Я сделал пару шагов назад и заглянул в дверной проем.

На кухне, прямо посреди оставленного мною бедлама из разбросанных продуктов, на высоком стуле сидела Ксюша. Она лениво жевала яблоко, аппетитно хрустя на всю комнату, и сосредоточенно что-то черкала в своем большом альбоме простым карандашом. Ещё парочка карандашей смешно торчала из её растрепавшегося пучка в волосах. Свет от окна падал на её лицо, очерчивая идеальный профиль. Блин, хоть она и была красивая, но уже бесила меня одним своим присутствием.

Я тут же очухался, тряхнул костылями-мыслями и побежал дальше в прихожую. Быстро запрыгнул в кеды, даже толком их не завязав, как вдруг услышал тихий шорох. Ксюша вышла из кухни в мою сторону, держа в руке надкусанное яблоко.

— Если что, ты меня не видела, — бросил я ей напоследок самым приказным тоном, на который был способен, чтобы та даже не вздумала докладывать родокам, что я свинтил из дома в её первый же день.

— Ладно, — спокойно отозвалась она, даже не поменяв

выражения лица, и равнодушно развернулась, собираясь уйти обратно.

Я удивленно моргнул. Ожидал как минимум расспросов или высокомерного «почему я должна врать?».

— Класс, а я думал, с тобой будут проблемы! — крикнул я ей вдогонку, чувствуя странное облегчение.

— Проблем не будет, если ты не будешь звать меня сестрой, — громко крикнула она мне в ответ, уже уверенно поднимаясь по мраморной лестнице на второй этаж.

Я замер с ключами в руке, глядя на пустеющий лестничный пролет.

— Идеально... — простонал я в потолок, закатывая глаза.

Эта девчонка ломала все мои сценарии. Наглая, молчаливая, ставящая свои условия в моём же доме. Развернувшись, я толкнул входную дверь и наконец-то вышел на улицу, где меня ждал вечер с Камилой.

Глава 3

Вместо обещанных сорока минут и даже несчастного часа я добирался до Камилы долгих час десять. Город словно издевался надо мной: вечерние пробки сковали главные проспекты. Телефон на пассажирском сиденье безостановочно вибрировал, разрываясь от её гневных звонков и двусмысленных, нетерпеливых сообщений. Разозлившись в край, я топил педаль газа в пол, лавировал между рядами, подрезал дорогие иномарки и на одном из перекрестков даже пролетел на только что загоревшийся красный. Гребаное воздержание длиной в месяц — пока я мотался по делам отца и торчал на бесконечных бизнес-форумах — давало о себе знать слишком явно. Гормоны били в голову. Я был на взводе, злой, голодный и готовый залезть буквально на первую встречную, но, судя по фотке в телефоне, сегодня определенно был мой день.

Я ворвался в квартиру Камилы как дикий, голодный зверь. Сорвал с себя футболку прямо на ходу, едва переступив порог, и до боли впился в её губы жёстким, требовательным поцелуем, как только дверь за мной закрылась. Камила тихо ахнула от такой напористости, но тут же ответила с не меньшей агрессией.

— Ты опоздал... — прерывисто проговорила она в мои губы, пытаясь изобразить обиду, но её руки уже судорожно

цеплялись за мои голые плечи.

— Прости, детка, пробки, — хрипло отозвался я.

Не разрывая поцелуя, я подхватил её под бедра, отрывая от пола. Камила тут же послушно обвила мою талию ногами, прижимаясь всем телом. Я утащил её вглубь темной комнаты, на ходу снося плечом какой-то торшер, и с размаху повалил на широкую кровать. Тяжело дыша, я принялся стягивать с неё остатки того полупрозрачного черного кружева, что она нацепила к моему приезду, параллельно избавляясь от собственных джинсов. Всё шло идеально. Ровно так, как я планировал весь этот злосчастный месяц.

Но стоило мне на секунду отстраниться, чтобы посмотреть на неё, как в глазах внезапно потемнело.

Пространство перед мысленным взором словно перекошилось. Вместо яркого макияжа и зазывного взгляда Камилы передо мной отчетливо возник совсем другой образ. Светлые, почти прозрачные платиновые волосы, растрепавшийся пучок с торчащими карандашами и эти огромные, на секунду испуганные, выпученные серо-голубые глаза. И её тихий, прозвучавший набатом в ушах голос:

«Извини...»

Я резко зажмурился, мотнул головой и часто проморгался. Попытался стряхнуть это наваждение как дурной сон. Взглянул ещё раз — да, чёрт возьми, это Камила. Под ней шелковые простыни, в комнате горит приглушенный красный свет. Я снова впился в её губы, пытаюсь заглушить

это странное видение, навалился сильнее, но перед глазами опять встала эта дура Светлова в своих нелепых штанах в цветочек. Её ванильно-ягодный запах будто забил мне все рецепторы, вытесняя тяжелый парфюм Камилы.

— Блять! — в голос выругался я, резко отстраняясь и садясь на край кровати.

Внутри всё мгновенно перегорело, оставив лишь тошнотворное раздражение на самого себя.

— В чём дело? — Камила недоуменно приподнялась на локтях, тяжело дыша. Её аккуратно покрашенные брови поползли вверх, а в голосе прорезались капризные нотки. — Кирилл? Что произошло?

— Перехотел, — сухо отозвался я.

Я резко поднялся с постели и принялся натягивать одежду обратно. Движения были механическими, рваными. Я застегнул джинсы, набросил футболку и, даже не глядя в её сторону, быстрыми шагами направился вон из этой квартиры, подальше от этого места.

— Кирилл! — крикнула она мне вдогонку, накинув на плечи халат и выбегая в прихожую. Лицо её перекосило от обиды и непонимания. — Что это вообще за хрень?! Ты приехал, набросился на меня, а теперь просто уходишь?!

Я уже открывал замок входной двери, чувствуя, как меня душит собственная необъяснимая злость.

— Извини, — проговорил я, даже не повернувшись к ней лицом. — У меня дела возникли. Срочные.

Я вышел на лестничную площадку и с силой захлопнул за собой дверь, оставляя Камилу наедине с её недоумением. Мне нужно было срочно вдохнуть свежего воздуха. Из головы упорно не выходил образ девчонки, которая всего несколько часов назад появилась в моём доме и уже умудрилась испортить мне всю ночь.

Домой я возвращался так же быстро, как и уезжал оттуда. Выжимал из тачки всё, на что она была способна, бешено крутя руль. В голове творился настоящий ад. Собственные мысли казались мне чужими, я сам ни хрена не мог понять, что за сбой произошёл в моей бошке. Почему меня заклинило на этой девчонке? Откуда это удушающее наваждение?

Родителей дома ещё не было — их мерседес так и не появился на парковке перед крыльцом. Залетев внутрь, я нарезал круги по первому этажу, ходил злой, как собака, в поисках этой гадины, но вокруг стояла гробовая тишина. Судя по всему, она уже давно поднялась к себе.

Я взлетел на второй этаж, ведомый какой-то бешеной, неконтролируемой яростью. Мне просто нужно было найти её. Найти и высказать прямо в лицо, что ей здесь не рады, что она ни кто в этом доме и чтобы валила отсюда нахрен на все четыре стороны, если не хочет поиметь кучу проблем. Мне жизненно необходимо было вернуть контроль над собственной головой.

Я подошёл к её двери и изо всей силы задолбил кулаками по дереву. Шум эхом разнесся по коридору.

Через пару секунд замок щелкнул, и дверь резко распахнулась. Ксюша стояла прямо передо мной — сонная, заспанная, видимо, уже легла спать. На ней был домашний бежевый топ на тонких лямках и широкие светлые штаны. Тонкая талия, открытый живот — она выглядела слишком хрупкой и беззащитной. Её волосы были растрепаны, пара прядей упала на лицо. Я смерил её мрачным взглядом, поджал губы, чувствуя, как ярость внутри сменяется чем-то ещё более опасным.

— В чём дело? — тихо, с искренним недоумением спросила она, сонно щурясь от яркого света коридора.

— Ты... ты... — прошипел я, задыхаясь от переполнявших меня эмоций. Слов не хватало. Вся моя заготовленная речь испарилась в одно мгновение.

А в следующую секунду я просто ворвался в её комнату, пинком ноги захлопывая за собой дверь. Прежде чем она успела хотя бы пискнуть, я шагнул вплотную и грубо, не спрашивая разрешения, коснулся её губ в поцелуе.

Внутри меня будто рванула бомба. Она была слаще Камиллы, в тысячу раз слаще всего, что я пробовал до этого. Ксюша пахла ягодами и ванилью. От неожиданности она совсем не отзывалась на мой натиск — просто натянулась в моих руках как струна, замерев от шока. Поняв, что сопротивления нет, я тут же вошёл во власть. Сгрёб её сильнее, стискивая хрупкое тело в охапку, по-хозяйски нащупал ладонью её задницу через тонкую ткань штанов и стал настойчиво подталкивать

её назад, в глубь комнаты, по направлению к кровати.

И тут девчонка наконец умерла. В её глазах, оказавшихся в миллиметре от моих, вспыхнул огонь. Она дёрнулась всем телом, отчаянно запротестовала и со всей силы укусила меня за нижнюю губу. Резкая боль прошла челюсть.

Я зарычал так, что звук получился глухим и гулким, вынужденно отстраняясь и отпуская её. Кровь мгновенно выступила на губе, тёплая и солоноватая. Но не успел я даже вытереть её тыльной стороной ладони, как Ксюша замахнулась и с хлестким, звонким звуком влепила мне полновесную пощёчину. Мою голову дёрнуло в сторону, а щеку обожгло огнём.

— Пошёл вон отсюда! — прошипела она мне прямо в лицо.

Её фарфоровое личико полностью покраснелось от жгучей злости, грудь прерывисто и тяжело вздымалась. Она часто дышала, сжимая кулаки так, что побелели костяшки, и смотрела на меня, как на бешеное животное.

Я замер, чувствуя, как щека горит, а на губе проступает капля крови. Медленно, не сводя с неё сузившихся глаз, я провел кончиком языка по ранке, слизывая кровь.

— Вот теперь точно идеально, — хрипло отозвался я, и на моих губах появилась ядовитая, кривая усмешка. Взгляд её взбешенных глаз подстегивал гордыню лучше любого наркотика. — Добрых снов, сестрёнка.

Я развернулся, спокойно дёрнул ручку двери и вышел на-

хрен из её комнаты, оставляя Ксюшу содрогаться от злости в темноте. Теперь я хотя бы точно знал, что засел в её мыслях так же прочно, как и она в моих.

Глава 4

Повествование от лица Ксюши

Я проснулась ровно к назначенному времени, хотя нормальным сном это назвать было трудно. Всю ночь я ворочалась, прокручивая в голове безумные, рваные кадры его незваного визита. Кожа до сих пор помнила сильную хватку его пальцев, а на губах, казалось, застыл этот приторный ягодный привкус вперемешку со вкусом его крови. Наглый, властный поцелуй, за который мне до дрожи хотелось выставить его из этого дома раз и навсегда. Но паника — это не про меня.

Медленно выдохнув, я заставила себя успокоиться, подошла к зеркалу и начала собираться. Сегодня был мой первый день в академии, и я обязана была выглядеть безупречно, несмотря на внутренний шторм. Я натянула любимые светлые джинсы-клёш, идеально подчеркивающие фигуру, и белый топ, поверх которого набросила укороченный бежевый свитер крупной сетчатой вязки. Волосы оставила распущенными, перекинув их на одно плечо. Захватив небольшую сумочку в тон и солнцезащитные очки, я бросила финальный взгляд на свое отражение. На лице — маска абсолютного равнодушия.

Когда я спустилась вниз, мама и Игорь уже сидели на просторной, залитой утренним солнцем кухне и неторопливо

завтракали, тихо обсуждая какие-то рабочие контракты. Атмосфера казалась идеально семейной, пока я не сделала ещё пару шагов внутрь.

Напротив моего пустующего стула уселся Кирилл.

Я заставила себя не замереть на месте. Спокойно прошла вперёд и опустилась на своё сиденье, лишь вскользь, едва уловимо мазнув по нему холодным взглядом. Он сидел точно так же, как и вчера — вальяжно, лениво опершись локтями о стол. И упрямо, не мигая, смотрел прямо на меня, словно проверял мою выдержку на прочность. На его нижней губе отчетливо виднелась свежая, чуть припухшая ранка от моего укуса. Это багровое пятнышко горело на его лице как прямое напоминание о том, что этот дикарь сотворил ночью в моей спальне. Всю ночь я пыталась найти хоть какое-то толковое объяснение его поступку, но в голову лезло только одно: этот идиот — обычный, зажавшийся бабник, который просто почувствовал безграничную власть на своей территории. Кобель проклятый. Привык, что девчонки плавятся от одного его взгляда, и решил, что со мной сработает тот же трюк.

Переведя взгляд на родителей, я мягко улыбнулась:

— Доброе утро.

— Доброе утро, посмотри, какая ты у меня красивая! — мама тут же просияла, отвлекаясь от телефона, и заботливо сунула мне под нос тарелку с теплым тостом и джемом. — Поешь обязательно перед учёбой.

Есть не хотелось совершенно. Один вид жующего Чернова напротив напрочь отбивал любой аппетит. Я лишь сделала несколько небольших глотков крепкого, горького кофе, чувствуя, как внутри приятно разливается тепло. Спустя пару минут я решительно поднялась с места, подхватила со стола сумочку и, наклонившись, нежно чмокнула маму в щёку.

— Мне надо на занятия, — проговорила я ровным, уверенным голосом. — Хочу приехать пораньше, чтобы спокойно познакомиться со всеми остальными и найти нужную аудиторию.

Игорь, оторвавшись от свежей прессы, добродушно улыбнулся и посмотрел на меня через очки:

— Конечно, Ксюш. Как твои дела? Всё ли вчера Кирилл тебе показал в доме, удалось ли вам вообще познакомиться?

Внутри меня всё сжалось от подступившей злости, но внешне я даже бровью не повела.

— Конечно, всё было супер, — проговорила я с легкой, безупречно фальшивой улыбкой, на секунду переведя ледяной взгляд на сводного «брата».

— Да, было просто нереально, — тут же отозвался Кирилл. Его низкий, с хрипотцой голос прозвучал с такой неприкрытой издёвкой, что у меня на секунду перехватило дыхание. Его пальцы лениво коснулись губы.

Я посмотрела на него в упор, и в моих глазах застыла абсолютная пустота. В этот момент мне хотелось высказать ему столько гадостей, сколько не слышал ни один портовый груз-

чик, сорвать эту его самодовольную ухмылку и стереть её с его лица. Но я упрямо промолчала. Тишина — мое главное оружие.

— Ну ладно, я побежала, — сухо бросила я, разворачиваясь к выходу.

— Подожди, — остановил меня глубокий голос Игоря. — Кирилл тебя довезет. К чему эти сложности с такси? Ему всё равно туда же, корпуса на одной территории.

Игорь строго посмотрел на сына, давая понять, что это не обсуждается. Кирилл тут же скривил лицо, всем своим видом демонстрируя полное отвращение к этой идее. Он лениво откинулся на спинку стула и недовольно буркнул:

— Просто купи ей тоже тачку. Зачем мне тратить своё время на извоз?

— У неё нет прав, — спокойно отозвалась мама, мягко улыбаясь мужу. А затем повернулась к нам двоим: — Пожалуйста, мальчики и девочки, не ссорьтесь. Вы теперь брат и сестра, должны помогать друг другу.

При слове «сестра» я резко, судорожно втянула носом воздух. Внутри всё заклокотало от подступившей тошноты. Брат? Да этот псих мне кто угодно, но точно не родственник.

— Я сама уже заказала такси, — проговорила я быстро, действуя на опережение, пока Игорь не успел заставить своего неадекватного сыночка сесть за руль.

Не дожидаясь ответа и не оборачиваясь, я стремительно побежала на улицу, навстречу прохладному утреннему воз-

духу, подальше от этого душного дома.

Конечно же, на счёт такси я нагло соврала. Стоило мне на полной скорости вылететь за огромные железные ворота особняка, как я резко затормозила у обочины и судорожно принялась тыкать пальцами в экран телефона. Сердце колотилось где-то в горле от злости. Я понятия не имела, как в этом элитном поселке вообще заказывать машину, какое приложение здесь работает и сколько минут придется ждать.

Я медленно пошла вперёд по обочине, раздраженно цокая каблуками по чистому асфальту, как вдруг сзади раздался мощный, хищный рёв автомобильного мотора. Секунда — и со мной поравнялась огромная глянцево-черная спортивная тачка. Стекло со стороны пассажира плавно опустилось, являя миру недовольную мину Чернова.

— Садись, — коротко бросил Кирилл, даже не глядя на меня, а уверенно удерживая руль одной рукой.

— Не надо. Я жду такси, — коротко отозвалась я, упрямо закусывая губу и продолжая делать вид, будто очень занята поиском водителя в телефоне.

Кирилл притормозил, машина медленно покатилась рядом со мной. На его губах снова появилась эта невыносимая, пренебрежительная ухмылка.

— Здесь нет связи, идиотка, — лениво отозвался он.

Внутри всё вспыхнуло. Я резко остановилась, сунула бесполезный мобильник в карман джинсов и зло посмотрела на него, слегка наклонившись к открытому окну:

— Дойду тогда до автобуса. Пешком полезно ходить.

Я упрямо продолжила свой путь вперёд по единственной длинной дорожке, ведущей к выезду из поселка. Я мерила шагами асфальт, уговаривая себя не оборачиваться, как вдруг позади хлопнула автомобильная дверь. Шаги. Стремительные, тяжёлые, опасные.

Я не успела даже обернуться, как в следующую секунду воздух вышибло из легких. Я отчетливо почувствовала, как сильные мужские руки обхватывают меня за талию и просто отрывают от земли, как какую-то тряпичную куклу.

— Сколько с тобой проблем, — прошипел Кирилл мне прямо над самым ухом.

Он в два шага дотащил меня до машины, бесцеремонно распахнул пассажирскую дверь и буквально втиснул в просторный кожаный салон.

— Да ты больной, что ли?! — тут же взвизгнула я, испуганно пропищав от неожиданности.

Я попыталась упереться ногами в порожек, сопротивляясь изо всех сил и размахивая руками, чтобы вырваться из его захвата, но силы были слишком не равны. Чернов с приглушённым стуком захлопнул дверцу прямо перед моим носом и обошёл капот.

Запрыгнув на водительское сиденье, он резко нажал на кнопку блокировки дверей. Щелчок — и я оказалась в ловушке.

— Сиди уже. Надоела, — шикнул он на меня, врубая пере-

дачу. Машина с бешеной скоростью сорвалась с места, унося нас в сторону университета.

Не успела я высказать ему всё, что думаю о его методах воспитания, как Кирилл грубо пихнул мне в руку свой собственный навороченный телефон.

— Вбивай свой номер, живо, — потребовал он, крутя руль. — Отец приказал мне не просто довезти тебя, а лично забрать после пар и привезти домой. Сегодня, видите ли, важный ужин по поводу твоего приезда. И не в твоей власти сейчас показывать мне свою грёбаную гордость. Бегать по всей академии в поисках тебя я не собираюсь.

Я сжала челюсти до боли. Обида и злость душили, но прагматичная часть меня понимала: он прав. Устраивать скандал перед родителями в первый же день и подставлять маму я не имела права. Косясь на профиль Чернова, я разблокировала его экран и принялась быстро вбивать цифры своего телефона.

Вдруг прямо посреди экрана выскочило push-уведомление от контакта «**Камила**».

Ниже висела свежая, полуголая утренняя фотка — девушка позировала перед зеркалом в каком-то откровенном кружевном недоразумении.

«Я жду продолжения...» — гласило короткое СМС.

Я тут же брезгливо поджала губы. На душе стало противно, а к горлу подступила тошнота от этого утреннего «привета». С трудом сдерживая брезгливую ухмылку, я быстро

сохранила контакт и отдала ему телефон.

— Держи, братец. Кажется, твоя девушка заждалась продолжения банкета, — не удержалась я от шпильки.

Кирилл лишь лениво мазнул по экрану мимолетным взглядом, на секунду задержавшись на фотографии. На его губах снова промелькнула ядовитая, самодовольная усмешка. Он вообще ни капли не смутился. Небрежным движением он бросил телефон прямо на кожаную панель автомобиля и сильнее нажал на газ, устремляясь к университету.

Университет встретил нас гулом сотен голосов и ленивым движением утренней толпы. Огромная парковка перед главным корпусом была забита дорогими иномарками, а на ухоженных газонах и широких мраморных ступенях уже кучковались студенты.

Я вышла из машины чуть ли не с открытым ртом, невольно разглядывая масштабы этого места. Мама не врала — этот вуз действительно выглядел как отдельное, неприлично богатое государство со своей атмосферой и негласными правилами.

Но стоило мне сделать шаг от пассажирской двери, как реальность мгновенно вернула меня на землю. Кирилл только успел заглушить мотор и обойти капот своего автомобиля как к нему тут же, словно из-под земли, подскочила какая-то эффектная девчонка на нереально высоких каблуках. Судя по темным волосам и вызывающе короткой юбке, это была та самая Камила из утренних СМС. Она с ходу повисла на

его шее и чуть ли не съела его прямо при всех, бурно демонстрируя свои права на главного плохиша курса.

Кирилл даже не попытался её оттолкнуть. Он расслабленно обнял её за талию одной рукой, но вместо того, чтобы увлечься поцелуем, упрямо мазнул по мне своим взглядом, словно проверяя мою реакцию. Чёртов провокатор.

Я лишь безгласно скривила лицо, демонстративно засунула два пальца в рот, изображая тошноту прямо на глазах у его швабры, и резко отвернулась. Перекинув сумку через плечо, я уверенно направилась в сторону главного входа, чеканя шаг по асфальту.

«Развлекайся, братец», — зло подумала я, окончательно выкидывая его из головы и настраиваясь на свой первый день на факультете искусств.

Глава 5

Повествование от лица Кирилла

После поцелуя — хоть и такого дебильного, дикого, закончившегося хлёсткой пощёчиной и кровью — сегодняшний поцелуй с Камиллой вообще не будоражил. Словно я завёл заезженную пластинку, которая больше не давала тех эмоций, которые были мне нужны. Никакого адреналина, никакого вызова. Просто привычный, пресный ритуал.

Я упрямо провожал взглядом Светлову, пока её светлая макушка не скрылась за стеклянными дверями главного входа. Камила, разумеется, моментально заметила мою отстранённость и проследила за моим взглядом. Её ухоженные брови тут же сошлись на переносице, а в голосе прорезались капризные, ревнивые нотки:

— Это ещё кто? — возмутилась она, скрестив руки на груди.

— Дочь мачехи, — безразлично отозвался я, неохотно возвращая внимание к Камиле. — Навязанная отцом проблема. Забей.

В этот момент к нам размашистым шагом подскочил Макс.

— Здравóво, Чернов! — он с ходу протянул мне руку для крепкого пацанского рукопожатия.

Затем Макс перевёл взгляд на Камилу и как-то слишком

слащаво, с едва уловимой насмешкой смерил её глазами с ног до головы. Камила в ответ лишь недовольно поджала губы, резко отвернувшись. Что примечательно — они даже не поздоровались друг с другом.

Я прищурился, переводя взгляд с друга на свою девушку.

— Я должен что-то узнать? — проговорил я, в упор глядя на них двоих.

— Да нет, просто мы уже виделись сегодня, — тут же беззаботно отозвался Макс, выдавая свою фирменную белозубую улыбку, и потянул меня в сторону здания. — Ладно, погнали в корпус, а то на лекцию опоздаем.

Мы двинулись по направлению к дверям. Но стоило нам подняться на крыльцо, как Макс резко затормозил, уставившись куда-то вглубь холла. Там, лавируя между шумными группками студентов, уверенно шла Ксюша. Её платиновые волосы ярким пятном выделялись на общем фоне.

— А это что за красавица? — с явным интересом проговорил Макс, не отрывая от неё взгляда. — На нашем потоке я такую точно не видел. Новенькая?

— Что-то типа сестры, — нехотя отозвался я, чувствуя, как внутри снова начинает подниматься необъяснимое раздражение.

— О-о-о... неужели? — Макс искренне расхохотался, толкнув меня локтем в бок. — Чернов, да ладно! Неужели грозный Кирилл теперь официально заделался нянькой для такой горячей девчонки? Ты это, держи свои трусы при себе,

братишка, а то мало ли что.

— Заткнись, Макс, — процедил я сквозь зубы.

— А вот насчёт своих трусов я даже не знаю, — протянул этот ветреный идиот, хитро прищурившись. Он с силой хлопнул меня по плечу. — Пойду-ка я познакомлюсь с твоей «родственницей», пока её местные акулы не сожрали.

И прежде чем я успел хоть что-то сказать, Макс буквально упорхнул вслед за Ксюшей, быстро растворяясь в толпе. Я замер посреди холла, чувствуя, как дикая, удушающая ярость сковала грудь железным обручем — и зубы сжались до хруста. Кулаки сами собой сжались. Какого хера он к ней полез?

— Кирилл, ну так что? Может, сегодня всё-таки ко мне? Родителей всю ночь не будет, — снова пропела под ухом Камила, ластиком прижимаясь к моему плечу.

— Да отвали ты! — грубо буркнул я, резко стряхивая её руку.

Настроение окончательно улетело в глубокий минус. Развернувшись на пятках, я ушагал вообще в другую сторону, прочь от своего кабинета, думая только о том, как сильно мне хочется сейчас кому-нибудь врезать.

Я сидел на паре по макроэкономике, тупо уставившись в окно и вообще не воспринимая то, что монотонно бубнил препод. Макс на лекцию, естественно, так и не появился — этот идиот благополучно прогуливал первую пару, и мне не нужно было быть гением, чтобы понять, где именно он отирается.

Внутреннее напряжение росло с каждой минутой, а когда телефон в кармане джинсов завибрировал, я едва не вырвал его вместе с тканью.

На экране высветилось сообщение от Макса. Я открыл его, и у меня внутри всё мгновенно перевернулось от бешенства. Это была фотка. Макс сидел в амфитеатре потоковой аудитории корпуса искусств. А чуть в стороне от него, через два кресла, сидела Ксюша. Она сосредоточенно записывала что-то в тетрадь, подперев щеку рукой, и совершенно не видела, что этот кудрявый придурок исподтишка её фоткает. На переднем плане красовалась довольная, ухмыляющаяся рожа Воронова, который победно показывал в камеру палец вверх.

Пальцы сами собой сжались на корпусе смартфона. Я быстро и зло застучал по экрану, врубая режим тотального контроля.

Кирилл: *Ты какого хера там забыл? Отвали от неё и тащи свой зад на пару. Живо.*

Макс: *Расслабься, Чернов) Тут лекция по истории искусств, намного интереснее твоей нудятины. А твоя «сестричка» — просто космос. Сидит такая гордая, даже не смотрит в мою сторону. Обожаю сложный уровень.*

Кирилл: *Воронов, я не шушу. Свали оттуда. Отец мне голову оторвет, если ты к ней полезешь.*

Макс: *Да ладно тебе, прикроешь перед Игорем. Мне просто нужен её номер. И, возможно, поцелуй на прощание по-*

сле пар) Она как раз собирается уходить.

Он явно издевался надо мной. Каждое его слово подливало масла в огонь, заставляя кровь закипать в жилах. Макс прекрасно знал, как меня взбесить, но сейчас он переходил все границы. Поцелуй? Да я ему лично челюсть сломаю, если он посмеет к ней прикоснуться.

Кирилл: *Только попробуй подойти к ней ближе чем на метр. Я из тебя всю дурь выбью.*

Макс: *Ого, какие мы грозные) Ладно, пошёл на штурм. Чао!*

Экран погас. Я с силой швырнул телефон на парту, из-за чего на меня обернулась половина аудитории, включая препода.

— Чернов, у вас какие-то проблемы? — строго спросил профессор.

— Никаких, — процедил я сквозь зубы, поднимаясь с места и сгребая свои вещи в рюкзак. — Извините, мне нужно уйти.

Я больше не мог здесь сидеть. Меня буквально разрывало от нахлынувшей ревности, которую я до сих пор упрямо пытался назвать «ответственностью перед отцом». Перекинув рюкзак через плечо, я быстрым шагом направился к выходу из аудитории. Нужно было срочно остановить этого ветреного олуха, пока он не натворил глупостей.

Я стоял около огромного электронного табло с расписанием в холле корпуса искусств, злобно всматриваясь в строч-

ки и пытаюсь сообразить, в какой именно из этих аудиторий сейчас сидит Ксюша и когда у неё закончатся пары. Голова раскалывалась от злости, а перед глазами всё ещё стояла фотка от Макса.

И тут до меня внезапно дошло: она же утром сохранила свой номер в моем телефоне!

Я тут же выудил мобильник из кармана и полез в контакты, лихорадочно соображая, как эта пигалица могла себя подписать.

«Сестра»?

Нет, бред, она сама просила её так не звать.

«Мальшика»? «Детка»? «Сестричка»?

Да ну нет, она слишком гордая для этой ванили.

«Ксюша»?

М-да, блять, кто ты вообще такая и под каким именем забита в моей трубке?

Я стал просто раздраженно крутить ленту контактов на букву «К», пока на самом низу не наткнулся на строгую, официально-вычурную запись:

«Светлова Ксения Валерьевна».

Серьезно? Я аж заржал как дурак посреди пустого коридора, привлекая внимание какой-то первокурсницы. Светлова Ксения Валерьевна. Ну что за официальный пафос! Я покачал головой, зашёл в редактирование и тут же переименовал её, решив добавить немного издевки и стёба. В графе красовалось короткое:

«Ваниль».

Недолго думая, я открыл мессенджер и полетел в атаку, решив проверить, насколько её хватит.

Кирилл:*«Светлова, ты где? Пары закончились? Живодуй к главному входу, я жду в машине.»*

Ваниль:*«Отвали, Чернов. Занята.»*

Кирилл:*«Ты охренела? Я не собираюсь торчать тутвечность. Отец сказал везти тебя домой, так что сворачивай свои кисточки и выметайся.»*

Ваниль:*«Отстань. У меня ещё одна лекция. И без тебядоеду.»*

Кирилл:*«Ты никуда сама не доедешь, связь тут не ловит, а автобуса ты не дождешься. Не беси меня, Ваниль. Живона выход.»*

Ваниль:*«Занята.»*

Я со злостью уставился на это последнее, короткое «Занята». Она отвечала мне так лениво и сухо, будто я был каким-то навязчивым спамом, который проще проигнорировать, чем тратить на него буквы. Эта её манера общения в стиле «отвали» была по моим нервам сильнее, чем если бы она орала на меня матом.

Я сжал телефон в руке, чувствуя, как внутри разгорается новое пламя. Ну уж нет, Светлова, так просто ты от меня не отделаешься. Я быстрым шагом направился прямо в глубь её корпуса, намереваясь лично вытащить эту упрямую девчонку из аудитории.

Я упрямо шёл по коридорам чужого корпуса, пока наконец не нашел нужную аудиторию. Долбаная история искусств. Даже не постучав, я резко толкнул деревянную дверь. По ушам ударил монотонный голос пожилой преподавательницы, который тут же затих. На меня обернулся весь поток — человек пятьдесят, не меньше.

Я быстро нашёл взглядом Ксюшу. Она сидела на третьем ряду амфитеатра, а прямо рядом с ней, довольно развалившись на стуле, ухмылялся Макс.

— Извините, опоздал, — буркнул я преподавательнице, вообще не заботясь о том, как бредово это звучит посреди лекции.

Я размашистым шагом поднялся по ступеням амфитеатра, подошёл к их ряду и, не говоря ни слова, вцепился в плечо Воронова. Силой вышвырнул этого наглого придурка нахрен вообще с этой половины стола, занимая его место. Макс от такой наглости едва не полетел на пол. Он лишь злобно зашипел на меня, как змея, но устраивать драку прямо на паре не решился.

Я уселся вплотную к Ксюше. Она медленно повернула голову и смерила меня странным, изучающим взглядом — в её глазах читалось лёгкое удивление, смешанное с привычным холодным равнодушием.

— Ты что здесь делаешь, Чернов? — тихо, едва шевеля губами, спросила она.

— Сказал же, контролирую, — так же тихо процедил я,

намеренно разворачиваясь к ней корпусом.

Я сверлил её жестким, собственническим взглядом, полностью перекрывая ей весь обзор на левую сторону, чтобы она даже смотреть не могла в сторону Макса. Но этот кудрявый болван сдаваться не собирался. Поняв, что я настроен серьезно, Макс быстро чирканул что-то на клочке блокнота, ловко прицелился и кинул бумажку Ксюше прямо на тетрадь. После чего нагло подмигнул ей и, совершенно не заботясь о том, что препод на кафедре уже откровенно злится и смотрит на нас, шумно схватил свой рюкзак и ускакал вон из аудитории, громко хлопнув дверью.

Ксюша даже не потянулась к записке. Она просто продолжала смотреть на доску, делая вид, что меня здесь нет. А вот я остался. Я сидел с ней до самого конца этой долбаной пары, намеренно, плотно подперев её своим плечом. Пускай эта девчонка с первого дня уяснит: если делать не так, как хочу я, будут последствия. И от моего контроля она никуда не скроется.

Я не удержался. Пока Ксюша упрямо смотрела на доску, делая вид, что увлечена лекцией, я резко протянул руку и сам перехватил этот клочок бумаги с её тетради. Развернул его прямо под столом. На листке размашистым почерком Воронова был выведен его номер телефона, а чуть ниже красовалась слащавая, приторная фраза из какой-то девчоночьей книги про портрет любви:

«Художник пишет глазами любви, а я хочу, чтобы ты

нарисовала меня глазами страсти. Позвони мне».

Меня аж перекосило от этой дешёвой романтики. Но не успел я скомкать бумажку и спрятать её в кулак, как Ксюша резко вырвала листок из моих пальцев, бегло пробежалась глазами по строчкам и... тихо, искренне хихикнула. Этот звук заставил моё сердце пропустить удар. На её белоснежных щеках снова проступили едва заметные веснушки. Спокойным, выверенным движением она аккуратно сложила записку и положила её в карман своих джинсов.

— Даже не думай ему звонить, — прошипел я ей прямо на ухо, едва сдерживая клокочущую внутри ярость. — Это мой друг, поняла? Ищи себе своих парней в этой своей художественной шараге.

Ксюша даже не повернула головы в мою сторону. Её тонкие пальцы уверенно сжали ручку, и она продолжила выводить аккуратные строчки в тетради, словно мы обсуждали погоду за окном, а не её потенциальное свидание с моим лучшим другом.

— А на нём что, метка стоит, что он только твой? — едва слышно прошептала она, на секунду замерив ручку над бумагой. На её губах играла едва уловимая насмешливая улыбка. — Или ты так сильно боишься, что я переключу его внимание на себя, братишка?

Я сжал зубы до хруста, чувствуя, как её спокойный, ироничный шёпот бьет по моим нервам сильнее любой пощечины. Я плотнее прижался своим плечом к её плечу, буквально

заставляя её чувствовать моё физическое присутствие каждую секунду этой невыносимой пары.

Глава 6

Повествование от лица Ксюши

Дорога обратно в особняк Черновых проходила в молчании. Кирилл гнал свою машину так, словно пытался убежать от собственной злости, вцепившись пальцами в кожаный руль. Я сидела на пассажирском сиденье, расслабленно откинувшись на спинку, и смотрела на пролетающие за окном пейзажи. Его давящая аура больше не пугала меня. Наоборот, внутри росла какая-то легкая уверенность. Наша стычка на паре окончательно доказала: мой сводный братец совершенно не умеет контролировать себя, когда всё идет не по его указке. Что ж, значит, пришло время немного поднять ставки в этой игре.

Я залезла в карман джинсов, аккуратно выудила сложенный клочок бумаги, оставленный Максом, и развернула его прямо на коленях. Кирилл тут же скосил на меня свой злой взгляд, но промолчал.

Достав телефон, я сфокусировала камеру и быстро сделала снимок записки с номером и цитатой. Зайдя в мессенджер, я вбила цифры и без лишних вступлений отправила Максиму фотографию, прикрепив короткий текст:

«Интересный выбор. Откуда эта фраза? Будет здорово, если ты действительно знаешь, из какой это книги. А если нет — тогда я жду ещё одну красивую цитату, но уже на

твой собственный лад».

Ответ от Максима прилетел буквально через пару минут. Он не стал церемониться с долгими литературными обсуждениями или красивыми предисловиями, а сразу пошёл напролом:

Максим: *«Раскусила) На лад переделаю при встрече. Пошли погуляем сегодня? Заеду в семь.»*

Я на секунду поджала губы, обдумывая ответ. Я совершенно не знала этого Максима — видела его сегодня впервые в жизни. Но то, с какой бешеной, неадекватной яростью на него реагировал Кирилл, говорило само за себя. Между ними явно шла какая-то своя, мужская игра, и Воронов был в ней отличным триггером. Да и, в конце концов, почему бы и нет? Я в этом огромном мегаполисе первый день, никого не знаю. Может, хотя бы Максим покажет мне город в отличие от этого угрюмого дикаря, который способен только силой запихивать меня в салон своей машины и шипеть над ухом.

Я быстро застучала пальцами по экрану, отправляя Максу короткое:

«Окей»

На моих губах сама собой появилась легкая, торжествующая улыбка. Я убрала мобильник обратно в сумочку и, повернув голову к окну, продолжала улыбаться своим мыслям. Кирилл то и дело бросал на меня такие взгляды, будто был готов прямо сейчас остановить машину посреди трассы и выкинуть мой телефон в кювет. Желваки на его челюсти ходи-

ли ходуном, а губы опасно дергались.

— Что не так? — ровно проговорила я, повернувшись к нему и невинно захлопав ресницами.

— Переживаю, что ты сейчас лопнешь от этой своей дебильной улыбки, — грубо отозвался он, резко перестраиваясь в левый ряд и утапливая педаль газа в пол. Голос его буквально вибрировал от сдерживаемой ярости. — Придется химчистку салона делать. Весь пластик мне тут своей ванилью заляпаешь.

Я лишь тихо хмыкнула и снова отвернулась к окну. Его нападки даже не задевали меня.

Как только автомобиль замер на парковке перед особняком, я первая толкнула дверь и поспешила к дому, желая как можно скорее скрыться в своей комнате. Но Кирилл нагнал меня уже в прихожей. Родители, судя по доносившимся из глубины дома голосам, были на кухне или в гостиной, так что нас никто не видел.

Чернов ухватил меня за локоть, резко развернул и с силой впечатал спиной в прохладную стену коридора. Лопатки обожгло не сильной болью. Я не успела даже вскрикнуть, как он шагнул вплотную, перекрывая мне любой путь к отступлению своим широким корпусом. Расстояние между нами сократилось до какого-то сумасшедшего, опасного предела. Кирилл почти упирался своим лицом в мое, я чувствовала его рваное, горячее дыхание на своих губах. Его глаза горели такой злобой, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— Слушай меня сюда, Ваниль, — прошипел он мне прямо в лицо, едва сдерживая клокочущий в груди гнев. — Ты здесь никто. Пустое место. Ты раздражаешь меня до зубной боли, поняла? Ты ворвалась во власть моего дома, приперлась в мою академию, а теперь ещё и к моим друзьям лезешь?! Тебя стало слишком много в моей жизни за эти сутки!

Я судорожно втянула носом воздух, чувствуя, как от его бешеного напора и одуряющего запаха дорогого парфюма и табака кружится голова. Впервые за всё время мне стало по-настоящему страшно. Моё спокойствие дало трещину, внутри все сжалось от паники, и я сильнее вжалась спиной в стену, буквально пытаюсь слиться с ней.

— Запомни раз и навсегда, — продолжал давить он, наклоняясь ещё ближе, так что его челюсть почти касалась моей щеки. — Сиди в своей грёбаной комнате и не мельтеши у меня перед глазами. Если ты сегодня переступишь порог этого дома с Максом... ты очень сильно пожалеешь. Я устрою тебе такой ад, что ты сама будешь умолять свою мамочку собрать чемоданы.

Его слова звенели в ушах угрозой. Я замерла, боясь даже вздохнуть, глядя в его злые, сузившиеся зрачки. А потом... Кирилл так же резко, как и напал, отпрянул назад на пару шагов. Он замолчал, тяжело дыша, и посмотрел на меня как-то странно. В его взгляде на долю секунды промелькнуло что-то непонятное, будто он сам испугался чего-то.

У меня в груди всё спёрло, сердце колотилось где-то в районе горла, а в голове билась одна-единственная мысль — скорее убежать. Не говоря ни слова, я обогнула его по широкой дуге и быстро взлетела по мраморной лестнице на второй этаж, стремясь спрятаться за надежным замком своей спальни.

Спустя полчаса, когда я спустилась к ужину, мне пришлось буквально наступить на горло собственному страху и силой вернуть на лицо маску абсолютного, ледяного спокойствия. Сердце всё ещё бухало в рёбрах после его наезда в прихожей, но я не собиралась показывать Чернову свою уязвимость.

Родители уже сидели за огромным столом в столовой. Пахло запечённой хзуткой и пряными травами, в бокалах поблескивало вино, а атмосфера казалась идеальной. Кирилл уже сидел там. Я невольно замерла на пороге, разглядывая этот фарс: мой ночной кошмар и дневной преследователь сейчас выглядел как безупречный, воспитанный мальчик из высшего общества. На нем была чистая белая футболка, волосы аккуратно уложены, а взгляд, устремленный на отца, лучился праведным послушанием. Чёртов лицемер. Только едва заметная багровая ранка на его нижней губе напоминала о том, какой зверь прячется за этой благообразной картинкой.

Я молча опустила на своё место, намеренно не глядя в его сторону.

— Ну как прошёл ваш первый совместный день? — Игорь тепло улыбнулся, переводя взгляд с меня на сына. — Успела освоиться в академии, Ксюш?

Я только открыла рот, чтобы ответить, но Кирилл технично и нагло перетянул одеяло разговора на себя.

— О, всё прошло просто супер, пап, — бархатистым, вежливым голосом отозвался он, лениво улыбнувшись. — Ксюша у нас оказалась на редкость прилежной студенткой. Ходила за мной буквально по пятам, ни на шаг не отставала. И вообще, она очень молчаливая. С ней никаких проблем, сидела на лекциях тише воды, ниже травы. Я же обещал, что присмотрю за ней, так что можешь не волноваться.

Я почувствовала, как внутри меня от этой порции отборного вранья и скрытой издевки закипает злость. *Ходила по пятам? Прилежная?* Да он силой заталкивал меня в машину и вышвыривал парней с моих парт!

Мама, не замечая искр, летающих между нами, лишь довольно закивала, мягко посмотрев на Игоря.

— Да, я же говорила тебе, она у меня с самого детства такая. Абсолютно не проблемный ребёнок, тихий, спокойный. Вся в отца своего пошла, тот тоже всегда умел молчать.

Я лишь крепко поджала губы, чувствуя, как ногти до боли впиваются в ладони под столом. Слушать, как меня выставляют покорной овечкой на глазах у этого кобеля, было выше моих сил. Моё равнодушие дало окончательный сбой. Аппетит испарился, уступив место жгучему желанию стереть эту

самодовольную ухмылку с лица сводного брата. Взглянув на настенные часы, я увидела, что стрелки без пяти минут семь. Самое время разрушить его идеальный сценарий.

Я резко, со стуком отодвинула стул и молча встала из-за стола, выпрямляясь во весь рост.

— Прошу меня простить, — ровно, но с отчётливой сталью в голосе произнесла я. — Аппетита нет. И мне нужно идти собираться.

Я повернула голову и в упор, зло и открыто посмотрела на Кирилла. На его лице на долю секунды промелькнуло замешательство.

— У меня свидание, — чуть ли не прошипела я, чеканя каждое слово и глядя, как глаза Чернова мгновенно сужаются, а желваки на его челюсти начинают ходить ходуном.

— Уже? — удивленно отозвалась мама, чуть не выронив вилку. Она растерянно перевела взгляд на Игоря. — Ксюш, ты же только первый день в городе... С кем?

— Да, уже, — коротко и резко буркнула я, проигнорировав её вопрос.

Не дожидаясь расспросов Игоря и мамы, я поспешила уйти к себе, почти бегом поднимаясь по лестнице.

Я влетела в комнату и тут же провернула ключ в замке. Сердце колотилось как безумное, адреналин приятно обжигал вены. Мобильник в руке тут же отозвался короткой вибрацией.

Максим: *«Твои глаза — как два глубоких океана, в кото-*

рых я готов тонуть без передышки. И пусть кричат, что это слишком рано, я припаду к твоим ногам, малыша»

Короче, я это загуглил на каком-то форуме для безнадежных романтиков. Надеюсь, оценила. Буду через 15 минут. Надеюсь, не передумала?

Я не сдержала искреннего смешка, перечитывая эту нелепую, смешную стихотворную цитату. Ветреный Воронов явно не собирался строить из себя утонченного ценителя искусства, и эта его открытая, глуповатая самоирония забавляла.

Ксюша: *«Оценила. Буду готова».*

Я отбросила телефон на кровать и бросилась к шкафу. Ну уж нет, Чернов, ты меня не запугаешь. Сказала, что пойду — значит, пойду. Я скинула джинсы и натянула короткую коричневую юбку в клетку со складками. Сверху набросила свободный, уютный кремовый свитер крупной вязки с косами, который нарочито небрежно спустила с одного плеча. Обула высокие замшевые сапоги в тон на каблуке и подошла к зеркалу, быстро собирая верхнюю часть волос в высокий хвост на макушке, оставив остальные пряди мягкими волнами падать на спину. Стильно, тепло и ни капли пафоса.

В этот момент телефон снова пиликнул.

Максим: *«Жду внизу. Давай скорее, твой брат совсем без мозгов. Он стоит на крыльце и смотрит на мою тачку так, будто хочет её взорвать взглядом».*

Я хихикнула, представив взбешенное лицо Кирилла,

быстро схватила со столика флакон и пшикнулась своими любимыми ванильно-ягодными духами. Схватив сумочку, я выскочила из комнаты и побежала вниз по лестнице.

В холле меня встретили родители. Мама тут же смирля меня оценивающим, удивленным взглядом, разглядывая мою короткую юбку и открытое плечо. Игорь стоял чуть позади и лишь понимающе, по-доброму улыбался.

— Ксюша, ты... ты с Максимом Вороновым идешь? — изумилась мама, всплеснув руками.

— Мам, это не свидание, я пошутила, — я мягко улыбнулась, обуваясь на ходу. — Он просто покажет мне город, вот и всё. Не переживай, я скоро буду.

Я тут же толкнула входную дверь и вышла на крыльцо, сразу заметив стоящих у машины парней. Они о чем-то бурно разговаривали на повышенных тонах — Максим расслабленно опирался на капот своей спортивной тачки, а Кирилл стоял в паре шагов от него, напряженный как струна. Но стоило двери за моей спиной закрыться, как они оба синхронно замолчали и резко повернули головы в мою сторону.

Максим тут же просиял своей фирменной широкой улыбкой, мгновенно сокращая между нами расстояние.

— Воу. Ксюш, ты выглядишь просто невероятно, — выдохнул он и с ходу впихнул мне в руки небольшой, но очень аккуратный и безумно приятный букетик нежно-розовых цветов.

Я тут же смутилась, щёки обдало легким румянцем, кото-

рого я так не хотела показывать.

— Спасибо, — тихо проговорила я, уткнувшись носом в букет и вдыхая их свежий, тонкий аромат.

Кирилл стоял буквально в метре от нас. Он медленно затянулся сигаретой, выпуская изо рта густой дым, и просто прожигал во мне дыру своим ледяным, бешеным взглядом. Он выглядел как ходячая пороховая бочка, готовая взлететь на воздух от любой искры. Его челюсть была так сильно сжата, что на лице ходили желваки.

Решив окончательно добить его, я сделала шаг к нему и с милой, фальшивой улыбкой буквально впечатала букет цветов прямо в его широкую грудь.

— Занесешь в дом, — ровно проговорила я ему, глядя прямо в его сузившиеся янтарные глаза. — Будь братом. Всё равно ничего не делаешь, а то повянут, пока мы гуляем.

Кирилл от такой наглости аж поперхнулся дымом. Его пальцы инстинктивно сжались на стеблях, перехватывая букет, а взгляд стал настолько яростным, что если бы глаза могли убивать, от меня осталась бы только кучка пепла.

Максим, едва сдерживая победный хохот от этой сцены, быстро обошел машину и вежливо открыл мне пассажирскую дверь.

— Прошу, прекрасная леди, — проговорил он, а затем повернулся к застывшему на крыльце другу: — Чернов, не скучай тут без нас!

Воронов ловко прыгнул на водительское сиденье рядом со

мной, мотор оглушительно взревел, и мы на бешеной скорости уехали прочь со двора, оставляя Кирилла стоять в облаке дыма с розовым букетом в руках.

Глава 7

Мы даже отъехать толком не успели от ворот особняка, как моя сумочка на коленях требовательно завибрировала. Я выудила телефон, и на экране высветилось сообщение от контакта

«Кирилл»(надо будет, кстати, переименовать его во что-то вроде *«Дикарь»*).

Я открыла чат, и мне пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться в голос прямо на пассажирском сиденье.

Чернов прислал фотографию. Мой несчастный нежно-розовый букетик стоял в какой-то хрустальной вазе посреди столовой, но один из центральных цветков был безжалостно надломлен и сиротливо свисал набок. Ниже висел текст, буквально пропитанный яростью и капсом:

Кирилл:*«Светлова, у тебя ровно час. Если через шестьдесят минут твой зад не будет сидеть в этом доме, я сломаю каждый чёртов цветок в этой вазе. Поняла меня? ВРЕМЯ ПОШЛО».*

Я лишь покачала головой, чувствуя, как внутри разливается волна странного тепла. Ну что за ребёнок? Большой, злой, вооруженный сигаретами и татуировками ребенок, у которого просто отобрали игрушку.

Ксюша:*«Дурак. Если сломаешь хоть один, завтра купишь мне в два раза больше. И вазу выберешь покрасивее,*

эта хрустальная жуть не подходит к розам».

Заблокировав экран, я убрала телефон обратно. Максим, плавно лавируя между рядами на своей спортивной тачке, периодически косился на меня с легким, оценивающим прищуром. Он явно заметил мою переписку, но тактично не стал лезть в чужой экран. В салоне приятно пахло дорогой кожей и мужским парфюмом, а за окном окончательно зажигались огни вечерней столицы.

С Максом действительно было как-то легко — его расслабленная манера вождения и полуулыбка на лице напрочь смывали тот липкий страх, который пытался внушить мне Кирилл.

— Ну так что, Ксюш, — Максим нарушил тишину, крутанув руль на перекрестке и снова бросив на меня быстрый взгляд. — Как тебе вообще наш мегаполис после твоего тихого городка? Не пугают масштабы?

— Пока сложно сказать, — я повернулась к нему, поудобнее устраиваясь в кресле. — Всё слишком быстро, шумно и... дорого. Из окна машины выглядит красиво, но я пока чувствую себя здесь чужой.

— Это нормально, первые пару недель всех штормит, — понимающе хмыкнул он, перестраиваясь в левый ряд. — Но город на самом деле крутой, если знать правильные места. Куда бы ты хотела сходить в первую очередь? Можем устроить культурную программу, раз уж ты у нас художница. Картинные галереи, выставки, или, может, сразу бахнем по клас-

сике — крыши, панорамные виды, хороший кофе?

Я улыбнулась, невольно вспомнив, что прямо сейчас на часах Кирилла Чернова тикают мои «штрафные» минуты.

— Давай начнем с хорошего кофе и какого-нибудь места, где не нужно притворяться вежливой, — честно призналась я. — Сегодняшний день и так забрал слишком много сил.

— Принято, — просиял Максим, сильнее нажимая на газ. — Знаю одно отличное место на высоте птичьего полета. Никакого пафоса, только ты, я и огни.

Мы взяли кофе на вынос в небольшом уютном фургончике у въезда и пошли пешком. Максим привёз меня к старому пешеходному мосту на небольшой возвышенности, откуда открывался потрясающий панорамный вид на залитую огнями часть города. Внизу нескончаемым потоком змеились неоновые ленты автомобильных фар, а над головой медленно сгущались прохладные осенние сумерки. На стаканчиках с кофе смешной бариста нарисовал маркером котиков с сердечками, что сразу добавило нашей прогулке какой-то домашней, тёплой атмосферы.

С реки потянул резкий, сырой ветер. Я невольно передёрнула плечом и плотнее укуталась в свой кремовый свитер. Максим заметил это мгновенно. Не говоря ни слова, он ловко снял свою кожаную куртку и учтиво набросил её мне на плечи. Куртка пахла кожей и дорогим мужским парфюмом, она была огромной, тёплой и согрела меня в ту же секунду.

— Оу... Спасибо, — я снова смутилась, чувствуя, как щё-

ки обжигает румянец, и поглубже спрятала нос в воротник куртки, которая доходила мне почти до середины бедра.

— Не за что, Ксюнь. Не хватало ещё, чтобы ты заболела в первый же день, — Максим обезоруживающе улыбнулся и опёрся локтями о металлические перила моста, глядя на город. — Ну, рассказывай. Как там жилось, в твоём тихом городке?

Мы болтали обо всём на свете, плавно переходя с темы на тему. Я сама не заметила, как расслабилась и начала взахлёб рассказывать ему про свою прошлую жизнь, про отца, про мастерскую в художественной школе и про то, как безумно, до дрожи в пальцах хочу стать настоящим художником. Максим слушал на удивление внимательно, не перебивая и лишь изредка вставляя свои ироничные комментарии.

— Слушай, ну раз ты будущий гений живописи, ты просто обязана подарить мне что-нибудь из своих работ, — Макс повернулся ко мне, хитро прищулив глаза. — Портрет там... или хотя бы набросок. Повешу в комнате, буду хвастаться всем девчонкам, что знаком с автором.

— Хорошо, я подумаю над твоим поведением, — я задорно кивнула, делая глоток уже остывающего кофе.

В этот момент моя сумочка снова взорвалась настойчивой, затяжной вибрацией. Я выудила телефон, ожидая увидеть очередную порцию угроз от Чернова. И не ошиблась. Кирилл прислал новую фотографию: ваза с розами теперь была обмотана жёлтой строительной сигнальной лентой, ко-

торуя он, видимо, откопал в гараже Игоря, а на переднем плане красовался листок в клетку, где его размашистым почерком было выведено:

«ОБЪЕКТ ПОД АРЕСТОМ. ОСТАЛОСЬ 15 МИНУТ. СЛЕДУЮЩИЙ НА ВЫЛЕТ — САМЫЙ КРАСИВЫЙ РОЗОВЫЙ БУТОН. Я УЖЕ ДЕРЖУ НОЖНИЦЫ ДЛЯ КУСТОВ».

Максим, стоявший вплотную ко мне, нечаянно скользнул взглядом по экрану, прочитал ультиматум и просто заржал в голос на весь мост.

— Чёрт, Чернов реально поехал кукухой! — сквозь смех выдавил он, хватаясь за перила. — Ножницы для кустов? Серьёзно? Он что, грабит ландшафтных дизайнеров Игоря ради шантажа?

Я не выдержала и задорно расхохоталась вместе с ним, представив, как мрачный Кирилл в чёрной рубашке с яростным лицом обматывает вазу сигнальной лентой посреди столовой. Это было слишком нелепо. Сообщение так и осталось неотвеченным в мессенджере — Максим тут же отвлёк меня, забрав пустой стаканчик из-под кофе, и я напрочь забыла ответить своему безумному «братцу».

С Вороновым действительно оказалось невероятно интересно. Он был лёгким, весёлым, хотя иногда шутил довольно пошло, отчего я то и дело в шутку толкала его в бок кулаком. Мы дошли до конца моста, где ветер утих, и Максим вдруг резко остановился, поворачиваясь ко мне лицом. Свет от фонаря мягко очертил его кудрявые волосы.

— Знаешь, Ксюш... В этом городе миллионы огней, но все они тускнеют, когда рядом улыбаешься ты. Твоя улыбка — это лучший холст, который я видел в жизни, — вдруг тихо, с совершенно непривычной серьёзностью произнес он.

Он сделал шаг ближе и медленным, аккуратным движением заправил выбившуюся прядь волос мне за ухо. Его пальцы на секунду коснулись моей кожи, оставив за собой дорожку из мурашек.

— Сам придумал, — добавил он с мягкой, обезоруживающей полуулыбкой, заглядывая мне прямо в глаза. — Без всяких форумов. На ходу сочинил.

Я замерла, чувствуя, как сердце делает странный кульбит.

— Красиво... — честно отозвалась я, глядя на него снизу вверх.

— Давай добьем твоего братца, раз он решил, что может командовать, — заговорщицки подмигнул Максим, хитро прищутив глаза.

Он выудил из кармана свой телефон, шагнул ко мне вплотную и прижался всем телом, направляя фронтальную камеру на нас двоих. Прежде чем я успела сообразить, что он задумал, Воронов крепко обнял меня за плечи, увлекая на себя, и запечатлел поцелуй на моей щеке лицом к лицу. Щелкнул затвор камеры. Когда Максим с ухмылкой развернул ко мне экран, я ахнула: ракурс получился идеальным. Со стороны казалось, будто он целует меня взаправду, прямо в губы, на фоне ночной Москвы.

После этого мы окончательно подумрачились и сделали ещё десяток смешных фоток, где всюду кривлялись и показывали язык в камеру.

— У меня уже щёки болят, — проговорила я сквозь смех, держась за живот, когда мы наконец отлипли от экрана. Мы хохотали так, что на нас начали оборачиваться редкие прохожие на мосту.

На этом наша прогулка не закончилась. Мы сели в машину и доехали до старой набережной. Долго гуляли там у самой кромки воды под яркой, круглой луной. Максим упрямо лазил в темноте по прибрежному песку и в итоге насобирав для меня целую горсть крупных, гладких и безумно красивых ракушек. Я бережно спрятала этот неожиданный сувенир в карман сумочки, чувствуя, как внутри разливается приятное, щемящее тепло. С этим ветреным парнем, вопреки всем слухам, было удивительно уютно.

Когда его спорткар наконец бесшумно припарковался у ворот особняка Черновых, время уже давно перевалило за условленный Кириллом час. В окнах дома горел тусклый свет. Максим не оставил меня у забора — он учтиво проводил меня почти до самого крыльца, охраняя от ночной прохлады.

Я аккуратно сняла его огромную кожаную куртку и протянула обратно, напоследок окутавшись её лавандово-табачным теплом.

— Спасибо большое за прогулку, Макс. Мне правда было

очень хорошо, — искренне поблагодарила я, глядя на него снизу вверх.

— Не за что, Ксюнь. Тебе спасибо, — он улыбнулся, принимая куртку, а затем весело покачал головой, бросив взгляд на окна второго этажа. — Похоже, теперь из-за твоего сумасшедшего братца мне придется в следующий раз дарить тебе цветы вместе с клумбой, раз уж он решил переквалифицироваться во флориста-террориста.

Я тихо хихикнула, представив, как Кирилл прямо сейчас сидит на куче измельченных роз. Мы тепло попрощались, пожелав друг другу добрых снов, и Максим бесшумной тенью направился к своей машине. Я проводила его взглядом, развернулась к входной двери и потянула за ручку.

Глава 8

Повествование от лица Кирилла

Родители снова свинтили посреди вечера. Такое ощущение, что в этот грёбанный особняк они заезжают чисто из интереса — поглядеть, на месте ли стены. Вечно у них какие-то приёмы, встречи, благотворительные вечера и бесконечная работа, работа, работа. Но сегодня их отсутствие было мне только на руку. Никто не мешал мне мерить шагами пустой дом, содрогаясь от удушающей ярости.

Я сидел в гостиной как последний идиот. Приволок этот дебильный розовый веник, который Ксюша так нагло впечатала мне в грудь, засунул его в первую попавшуюся хрустальную вазу посреди стола и тупо гипнотизировал его взглядом. Нежные бутоны пахли свежестью и... её дурацкими духами. Они начали бесить меня с первой секунды. Слишком правильные, слишком девчоночьи. Слишком сильно напоминающие о том, что прямо сейчас эта Ваниль катается по городу в тачке моего лучшего друга.

В какой-то момент крышу сорвало окончательно. Я подался вперёд, резко ухватил один из центральных цветков и с хрустом надломил стебель, безжалостно пуская сок по хрустальной грани. Перед глазами в этот момент стояли руки Макса. Которые будут трогать её. Которые будут по-хозяйски прижимать её к себе. Не знаю зачем, а самое главное по-

чему это взбрело в бошку.

Я до боли сжал челюсти, поджимая губы от клокочущей злости. И почему меня, блять, это вообще волнует?! Она мне никто. Сводная проблема на мою голову. Девчонка в нелепых штанах в цветочек. Но мысль о том, что Макс сейчас заглядывает ей в глаза, а она улыбается ему своей этой редкой, спокойной улыбкой, выжигала всё внутри дотла.

Не найдя ничего лучше, я выудил телефон. Руки слегка подрагивали от адреналина. Сфоткал этот покалеченный букет и настроил сообщение с угрозой сломать все цветы к чертям, если её задница не вернется в дом через час. Нажал «отправить», чувствуя себя конченным психопатом. Но мне было плевать. Я упрямо хотел, чтобы там, рядом с ним, на этом их тупом свидании, она ни на секунду не забывала про меня. Чтобы мой ультиматум висел над ней дамокловым мечом, заставляя дёргаться от каждого сигнала мобильного.

Прошло полчаса. Ваниль прислала издевательское «Дурак» и велела готовить кошелек на новый букет и новую вазу. Моё сообщение она даже не прочитала.

Меня накрыло второй волной. Она сидит с ним в кафе. Или на набережной. И ей настолько плевать на мои угрозы, что она даже телефон в руки не берет.

Я сорвался с дивана, долетел до гаража отца и откопал там рулон ярко-жёлтой строительной сигнальной ленты, которой обычно огораживают места крушения или ремонта дорог. Вернувшись в столовую, я с маниакальным усердием

принялся обматывать хрустальную вазу по кругу, стягивая липкую ленту так, словно паковал особо опасного преступника. Объект под арестом, Светлова. Из кухонного ящика на свет были извлечены огромные, тяжелые ножницы для подрезки кустов, которыми садовники ровняли живую изгородь на заднем дворе.

Я сел обратно на стул, положив эти гигантские металлические лезвия прямо перед собой на полированный дуб. На часах было без пяти минут восемь. Условленный час давно истек.

Кирилл: *«ОБЪЕКТ ПОД АРЕСТОМ. ОСТАЛОСЬ 15 МИНУТ. СЛЕДУЮЩИЙ НА ВЫЛЕТ — ТОТ САМЫЙ КРАСИВЫЙ РОЗОВЫЙ БУТОН. Я УЖЕ ДЕРЖУ НОЖНИЦЫ ДЛЯ КУСТОВ».*

Ответа не последовало. Только издевательская тишина в чате.

Я подошёл к панорамному окну гостиной, выходящему на парадный двор, и замер, вглядываясь в темноту элитного посёлка. Ножницы я так и не выпустил из рук, сжимая пластиковые рукоятки до ломоты в пальцах. Я ждал. Считал каждую секунду, превращаясь в конченого зверя, который вот-вот сорвется с цепи.

По итогу она вернулась только ночью, мать её. Время давно перевалило за все мыслимые пределы, а я продолжал сидеть в тёмной гостиной, гипнотизируя взглядом светящиеся стрелки часов на стене. Каждый тик маятника бил по мо-

им натянутым нервам. Эта девчонка больше не отвечала на СМС, не читала ультиматумы и вообще забила на моё существование. Она стёрла меня из своей реальности на эти несколько часов, растворившись в мегаполисе вместе с Вороновым.

Вдруг телефон на стеклянном столике оглушительно зажужжал, взрываясь входящим сообщением. Я подлетел к нему так резко, что задел колено и чуть не пизданулся через край стола, едва удержав равновесие. Разозлившись, я вырвал мобильник из зарядного устройства и вылупился на экран.

Это был Макс. Конченный урод.

Он прикрепил к сообщению фотку, от которой у меня перед глазами всё мгновенно поплыло от ярости. Они стояли на каком-то мосту в свете ночных фонарей. Ксюша в своей короткой юбке, а этот придурок крепко прижимал её к себе и целовал её. Из-за ракурса камеры это выглядело так, словно он засасывал её по-настоящему, взаправду, а может это было и так. Но я не хотел верить. Был уверен он нарочно.

Ниже висел текст:

Макс: *«Не переживай, папочка, с моей девочкой всё отлично) Можешь выкинуть свой веник в мусорку, завтра я куплю ей другой. Не скучай, Чернов».*

— Чёртов урод... — прошипел я сквозь зубы, чувствуя, как внутри всё выжигает ненависть.

Я с такой силой откинул мобильник обратно на диван, что

он чудом не разлетелся на куски. Пальцы сводило судорогой от желания впечатать кулак в довольную рожу Воронова. Моей девочкой? С каких это пор она стала *его* девочкой?!

Спустя ещё один бесконечный час с улицы наконец донёсся звук подъезжающей машины. Огни фар скользнули по потолку гостиной. Я сначала подумал, что это вернулись предки, и уже приготовился натянуть маску вежливого сына, но мотор стих, а хлопок двери был слишком лёгким.

Вернулась Ваниль.

Входная дверь тихонько скрипнула. Я замер в тени коридора у самой лестницы, наблюдая за ней. Ксюша выглядела неприлично счастливой. Она аккуратно прикрыла за собой дверь, бесшумно вздохнула и, покачиваясь, скинула свои высокие сапоги. Подхватив их в одну руку, она осталась в одних носках и на цыпочках, крадучись, двинулась к лестнице, надеясь незамеченной проскочить в свою комнату.

Она так сильно крутила головой по сторонам, что предсказуемо на полной скорости врезалась прямо в мою грудь.

Я тут же протянул руку и выключил настенный бра, заливая прихожую резким жёлтым светом. Ксюша от неожиданности испуганно вскрикнула, её глаза округлились, и она судорожно отшатнулась назад, едва не выронив обувь.

— Время видела? — прорычал я, делая шаг к ней и нависая всей своей массой. Голос сорвался на опасный хрип.

Она быстро пришла в себя. Вся её минутная паника испарилась. Ксюша выпрямила спину, вздернула подбородок

и посмотрела на меня снизу вверх, насколько ей позволял рост.

— Я тебе что, маленькая? — ледяным тоном отозвалась она, даже не подумав опустить глаза. — Могу хоть до утра домой не приходить, тебе-то что? Занимайся своей флористикой дальше, раз совсем делать нечего.

Намёк на обмотанную сигнальной лентой вазу разозлил меня ещё сильнее. Она попыталась технично обойти меня по дуге, чтобы подняться по ступеням, но я дёрнул руку вперед и схватил её за предплечье, силой возвращая на место. Сапоги в её руке тихо стукнули друг о друга.

— Я тебя предупреждал, Светлова, что будет плохо, если ты переступишь порог с моим другом? — прорычал я ей прямо в лицо, сокращая расстояние до опасного минимума. Из головы никак не выходил этот дебильный снимок с поцелуем. — Ты думала, я шучу?!

— Отвали! — тут же звонко отозвалась она, отчаянно дернув рукой в попытке высвободиться из моего захвата. В её глазах вспыхнули яростные искры. — Я тебе не сестра и никто, понял?! Ты не имеешь права мне приказывать! Пусти меня!

Я медленно смерил её тяжёлым, сканирующим взглядом, в упор разглядывая раскрасневшееся лицо и блестящие глаза. Внутри меня всё клокотало, но я отчаянно пытался прочитать её, понять: она намеренно провоцирует меня, проверяя границы дозволенного, или действительно родилась та-

кой безбашенно дерзкой?

— Повеселимся... — едва слышно прошептал я ей у самых губ, на секунду позволив себе вдохнуть этот сладкий ванильно-ягодный аромат, который прочно засел в моих лёгких.

А затем резко разжал пальцы и отпустил её руку.

— Вали спать, — буркнул я, круто развернувшись на пятках и направляясь прямиком к выходу, даже не глядя на то, как она бросилась вверх по лестнице.

Я толкнул дверь, вышел в прохладную ночную тишину и быстрым шагом направился к парковке. Запрыгнул в салон своего автомобиля, с силой захлопнул дверцу и пару раз со всей дури хлопнул ладонью по кожаному рулю, срывая злость. Руки ходили ходуном. Я выудил из пачки и одну за другой выкурил две сигареты подряд, жадно затягиваясь горьким дымом и глядя в темноту перед собой. Но это чёртово наваждение не помогало — присланный Максом снимок никак не выходил из головы. Мой лучший друг целует девчонку, которая спит в моем доме. Это выжигало мозг.

Кирилл: *«Выйди. Через полчаса буду у тебя.»*

Я завёл мотор, рванул с места и ровно через тридцать минут затормозил у его дома. Воронов уже стоял на улице у своей тачки и лениво курил. При виде моей машины этот придурок лишь нагло заржал, даже не скрывая своего победного торжества.

Я с грохотом хлопнул дверью, в два широких шага пре-

одолеет расстояние между нами и дёрнул его за глотку, прижимая спиной к его же автомобилю.

— Я же сказал тебе к ней не соваться, урод! — прорычал я ему прямо в лицо, чувствуя, как пальцы сжимаются сильнее.

— Эй, угомонись, Чернов! Ты чего творишь? — тут же проговорил Макс, моментально перестав ржать. В его глазах наконец-то промелькнула серьёзность.

Я тяжело выдохнул, разжал пальцы и с силой оттолкнул его от себя. Сделав пару шагов назад, достал новую сигарету и снова закурил, пытаясь вернуть контроль над дыханием. Макс поправил воротник куртки, вздохнул и расслабленно прислонился к капоту своей машины, наблюдая за мной.

— Чё ты психуешь, чувак? — негромко отозвался он, стряхивая пепел. — Сам запал на неё, что ли, уже?

Я лишь смерил его злым, уничтожающим взглядом, не произнося ни слова.

— У тебя вообще-то Камила есть, так что сорян, — Макс развел руками, криво усмехнувшись. — Да и к тому же, она твоя сводная сестра. Забудь.

— Никакая она мне нахрен не сестра! — прошипел я, делая глубокую затяжку. От этого слова меня аж передергивало.

— Твои родичи думают по-другому, — резонно заметил этот идиот, качнув головой. — Не думаю, что Игорь и твоя мачеха будут рады, если узнают, что ты жилишь дочку её матери и устраиваешь тут сцены ревности. Вы же теперь одна

семья, Чернов.

— Завали, понял?! — рявкнул я на всю улицу, резко подавшись вперед. — Просто завались, Воронов! Харе к ней подкатывать. Я больше предупреждать не стану. И смотреть на нашу дружбу тоже не буду. Мне плевать.

Я круто развернулся, собираясь уйти обратно к своей машине, но этот кудрявый придурок снова не удержался и кинул мне в спину очередную цитату из своих дурацких паб-ликов:

— Сердцу не прикажешь, кого любить, братишка! — громко крикнул он, а затем добавил с откровенной насмешкой: — А вот тебе бы точно не помешало попить каких-нибудь успокоительных таблеток. А то совсем крыша едет.

После чего Макс снова громко заржал, небрежным щелчком бросил бычок в урну и вальяжной походкой ушел в сторону своего подъезда. Я остался стоять на пустой улице, сжимая кулаки так, что костяшки побелели.

Я возвращался в особняк под самое утро, когда горизонт уже начал окрашиваться в блеклый, холодный рассветный цвет. Дом встретил меня тишиной. Родители, судя по всему, так и не соизволили приехать на ночь.

Я медленно поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, каждый шаг давался с трудом, будто к ногам привязали гири. Проходя мимо её двери, я невольно замер. Рука сама собой дернулась к дверной ручке, а внутри с новой силой вспыхнуло дикое, удушающее желание снова ворваться

внутри. Снова прижать эту дерзкую Ваниль к стене, вдохнуть её ягодный запах и силой заставить признать, что она не имеет права крутить хвостом перед моим лучшим другом. Но я сжал кулаки так, что ногти до боли вонзились в кожу, заставил себя отвернуться и дошёл до своей спальни.

Захлопнув дверь, я с тихим стоном рухнул на кровать прямо в одежде, уставившись в тёмный потолок. Спать вообще не хотелось, в голове крутился сплошной бардак из фоток Макса, Ксюшиных ледяных глаз и собственных мыслей, которые окончательно вышли из-под контроля. Меня буквально выворачивало наизнанку. Полчаса я ворочался на простынях, а потом, не выдержав этого ада, снова спустился на улицу.

Я бродил вокруг дома, жадно глотая сырой предрассветный воздух и выкуривая одну сигарету за другой, пока легкие не начало обжигать. Вернулся в особняк только через час, когда солнце уже почти встало. Ноги сами привели меня обратно к её крылу.

Остановившись у её спальни, я прислушался — тишина. Пальцы аккуратно легли на металл, и я плавно нажал на ручку. К моему удивлению, замок не щелкнул: Ксюша забыла запереться на этот — У тебя вообще-то Камила есть, так что сорян, — Макс развел руками, криво усмехнувшись. — Да и к тому же, она твоя сводная сестра. Забудь.

— Никакая она мне нахрен не сестра! — прошипел я, делая глубокую затяжку. От этого слова меня аж передергива-

ло.

— Твои родичи думают по-другому, — резонно заметил этот идиот, качнув головой. — Не думаю, что Игорь и твоя мачеха будут рады, если узнают, что ты жилишь дочку её матери и устраиваешь тут сцены ревности. Вы же теперь одна семья, Чернов.

— Завали, понял?! — рявкнул я на всю улицу, резко подавшись вперед. — Просто завались, Воронов! Харе к ней подкатывать. Я больше предупреждать не стану. И смотреть на нашу дружбу тоже не буду. Мне плевать.

Я круто развернулся, собираясь уйти обратно к своей машине, но этот кудрявый придурок снова не удержался и кинул мне в спину очередную цитату из своих дурацких паб-ликов:

— Сердцу не прикажешь, кого любить, братишка! — громко крикнул он, а затем добавил с откровенной насмешкой: — А вот тебе бы точно не помешало попить каких-нибудь успокоительных таблеток. А то совсем крыша едет.

После чего Макс снова громко заржал, небрежным щелчком бросил бычок в урну и вальяжной походкой ушел в сторону своего подъезда. Я остался стоять на пустой улице, сжимая кулаки так, что костяшки побелели.

Я возвращался в особняк под самое утро, когда горизонт уже начал окрашиваться в блеклый, холодный рассветный цвет. Дом встретил меня тишиной. Родители, судя по всему, так и не соизволили приехать на ночь.

Я медленно поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, каждый шаг давался с трудом, будто к ногам привязали гири. Проходя мимо её двери, я невольно замер. Рука сама собой дернулась к дверной ручке, а внутри с новой силой вспыхнуло дикое, удушающее желание снова ворваться внутрь. Снова прижать эту дерзкую Ваниль к стене, вдохнуть её ягодный запах и силой заставить признать, что она не имеет права крутить хвостом перед моим лучшим другом. Но я сжал кулаки так, что ногти до боли вонзились в кожу, заставил себя отвернуться и дошел до своей спальни.

Захлопнув дверь, я с глухим стоном рухнул на кровать прямо в одежде, уставившись в темный потолок. Спать вообще не хотелось, в голове крутился сплошной хаос из фоток Макса, Ксюшиных ледяных глаз и собственных мыслей, которые окончательно вышли из-под контроля. Меня буквально выворачивало наизнанку. Полчаса я ворочался на простынях, а потом, не выдержав этого ада, снова спустился на улицу.

Я бродил вокруг дома, жадно глотая сырой предрассветный воздух и выкуривая одну сигарету за другой, пока легкие не начало обжигать. Вернулся в особняк только через час, когда солнце уже почти встало. Ноги сами привели меня обратно к её крылу.

Остановившись у её спальни, я прислушался — тишина. Пальцы аккуратно легли на металл, и я плавно нажал на ручку. К моему удивлению, замок не щелкнул: Ксюша забыла

запереться. Дверь тихо подалась вперёд. Я сделал глубокий вдох и бесшумной тенью вошёл внутрь её комнаты, прикрыв за собой створку.

Глава 9

Повествование от лица Ксюши

Когда будильник настойчиво зазвенел ровно в семь утра, я издала тихий, мученический стон и натянула подушку на голову. Каждое сочленение в теле противно ныло. Да, пожалуй, гулять до глубокой ночи — это точно не моё. Но стоило мне сделать глубокий вдох, как я замерла. В комнате как-то странно, непривычно пахло. Густой, свежий, головокружительный аромат буквально забил саше.

Я резко приподняла голову, продирая глаза, и замерла.

На прикроватной тумбочке, едва помещаясь на узкой стеклянной столешнице, высился просто огромный, неприлично роскошный букет свежих роз. Их было так много, что они казались пушистым розовым облаком. А прямо у подножия вазы белел вырванный из блокнота листок. Я потянулась, перехватила его и прочитала всего три слова, написанные размашистым, злым почерком:

«Получай свой веник».

Я тут же плюхнулась обратно на подушку, уткнувшись в неё лицом, и тихо, сдавленно хихикнула, крепко зажмурив глаза — просто чтобы никто случайно меня не увидел. Этот ненормальный всё-таки сдался. Проиграл в своей же глупой войне.

Кое-как переборов лень, я окончательно встала с кроват-

ти и подошла к тумбочке. Осторожно коснулась прохладных, влажных лепестков, вдыхая их сумасшедший аромат. Настроение мгновенно взлетело до максимума. На радостях я решила, что сегодня к долой эти унылые свободные джинсы и штаны. Мне безумно хотелось быть красивой, яркой и показать этой элитной академии, на что я способна. В конце концов, я будущая художница.

Я подошла к зеркалу, критически осматривая свой новый образ. Белая строгая рубашка с острым воротничком идеально сидела по фигуре, а поверх неё я натянула уютную бежевую трикотажную жилетку крупной вязки с косами. Тонкий кожаный ремешок подчеркивал талию, переходя в короткую темно-коричневую юбку со складками. На ноги я обула высокие кожаные сапоги шоколадного оттенка на устойчивом каблуке, которые визуальнo делали ноги бесконечными. Волосы собрала в высокий, слегка небрежный хвост, оставив пару прядей обрамлять лицо. Захватив небольшую кожаную сумочку в тон сапогам, я бросила финальный взгляд в зеркало. Идеально.

Я быстро спустилась вниз, уверенно стуча каблуками по мраморным ступеням лестницы. Вся семья уже, как обычно, была в сборе в залитой солнцем столовой. Я зашла в комнату как ни в чем не бывало, лучезарно улыбаясь.

— Доброе утро всем! — звонко пожелала я.

Я бодро подошла к маме, чмокнула её в напудренную щеку и плюхнулась на свой стул. К моему удивлению, от вче-

рашней ночной прогулки у меня даже проснулся дикий, просто зверский аппетит. Я съела целых три тоста, внушительную порцию яичницы и выпила крепкий кофе. Кирилл сидел прямо напротив. Он лишь молча задергивал брови, переводя ошалелый, хмурый взгляд с моей юбки на то, с какой скоростью исчезает еда с моей тарелки. Под его глазами залегли темные тени — этот идиот явно не спал всю ночь, а его губа всё ещё была припухшей.

Мама и вовсе от удивления открыла рот, перестав жевать свой диетический хлебец.

— Боже, милая, что такое? — растерянно проговорила она, провожая взглядом очередной кусок. — Потихе, у тебя никто еду не отнимет.

— Я просто тороплюсь, — отозвалась я, сделав большой глоток.

— Пошли, — буркнул Кирилл, резко поднимаясь из-за стола. Он достал из кармана брелок и прямо из столовой с щелчком завел машину с кнопки на парковке. Окна слегка задрожали от далекого рокота его мотора.

— Спасибо, не надо, — беззаботно отозвалась я, краем глаза замечая, как телефон на столе мигнул сообщением от Макса. — За мной уже приехали.

Я тут же перехватила поудобнее сумочку, поднялась с места, быстро поцеловала маму в щёку, вежливо кивнула Игорю и стремительно побежала в сторону выхода, пока Кирилл не успел опомниться.

— Как хоть свидание прошло? — вдогонку громко крикнула мама на всю столовую.

— Супер! Всё было здорово! — звонко отозвалась я уже из прихожей и быстро вышла на улицу, захлопнув за собой дверь.

Максим уже ждал меня у ворот дома, прислонившись к капоту своей блестящей спортивной машины. Стоило мне выскочить на крыльцо, как я тут же преодолела разделяющее нас расстояние, и мы коротко, тепло обнялись, обменявшись сонными, но веселыми улыбками. Макс галантно открыл для меня пассажирскую дверь, и я послушно плюхнулась на переднее кожаное сиденье, поправляя подол своей юбки.

Но не успела дверь захлопнуться, как из дома вылетел Кирилл.

Увидев нас вместе, он резко замер на верхней ступеньке крыльца. Его глаза сузились, а челюсть сжалась так, что на лице заходили ходуном желваки. Зло сплюнув на белый декоративный гравий, Чернов тяжёлым, размашистым шагом направился к своей машине. Он словно в ярости кинул свой рюкзак на заднее сиденье, а потом, даже не садясь за руль развернулся и решительно зашагал прямо к нам, стремительно сокращая расстояние.

Максим только успел обойти капот и сесть за руль, как дверь с моей стороны резко, с рывком распахнулась. И тут вырос Кирилл, полностью перекрывая собой солнечный свет.

— Выметайся отсюда, — рыча проговорил он мне. Голос его буквально вибрировал от сдерживаемого бешенства, но смотрел он в этот момент не на меня, а в упор на Макса, прожигая в моём водителе дыру.

Ситуация накалилась до предела. Я даже осязательно напряглась, испуганно переводя взгляд с одного парня на другого. Атмосфера между ними была такой, словно сейчас начнётся драка.

— Никуда я не пойду! — упрямо проговорила я, крепче цепляясь пальцами в сумочку на коленях.

Но Кирилл повторять дважды не стал. Он действовал импульсивно: просто перехватил моё запястье, силой вытащил меня из салона Макса на асфальт и со слабым моим писком в одно движение закинул к себе на плечо. При этом он, чёрт его дери, по-хозяйски придерживал ладонью подол моей юбки на заднице, чтобы та окончательно не задралась.

— Я тебя предупреждал, — опасно прорычал он то ли мне, утыкающейся носом в его лопатку, то ли замершему за рулем Максу.

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент на крыльцо дома вышли родители, привлеченные шумом.

— Кирилл?! — тут же строго и удивленно проговорил Игорь, останавливаясь на ступенях и хмурия брови.

— Мама, скажи ему! — в панике крикнула я, колотя кулаками по его крепкой спине. — Он ненормальный! Пусти

меня, Чернов!

— Всё нормально, — даже не повернув головы к родителям, громко и уверенно бросил Кирилл, продолжая тащить меня к своему внедорожнику. — Она просто плохо себя ведёт. И гуляет вообще не с теми, с кем нужно. Он слишком плохой.

— Мам!.. — пискнула я опять, когда Кирилл наконец дотащил меня до своей машины, открыл дверь и буквально затолкал меня на пассажирское сиденье.

Я растерянно зыркнула в окно и обомлела: родители просто стояли на крыльце и молча смотрели на этот цирк. Более того, по лицу своей деловой мамы я отчетливо видела, что она едва сдерживается, чтобы не рассмеяться во весь голос от этой «братской» гиперопеки. Игорь тоже как-то странно расслабился.

Поняв, что помощи не будет, я попыталась выйти обратно, но Кирилл упрямо выставил вперед свою ладонь, уперся ею мне прямо в лоб и силой затолкнул меня обратно в глубь кожаного кресла.

Он прыгнул за руль, с рёвом выжал газ, и машина с пробуксовкой сорвалась с места, оставляя позади и родителей, и обалдевшего Макса.

Машина летела по трассе с такой скоростью, будто Кирилл пытался поставить рекорд на выживание. Мотор внедорожника бешено ревел, а я сидела вцепившись в ручку на двери, и изо всех сил пыталась вернуть на лицо маску абсо-

лютного равнодушия. От его наглости внутри всё горело. Закинул на плечо прямо при родителях! Уперся рукой в лоб! Да он просто невменяемый дикарь!

Развернувшись всем корпусом к боковому окну, я демонстративно поправила подол своей короткой юбки, сложила руки на груди и включила режим стопроцентного бойкота. Больше ни единого слова этот кобель от меня не услышит.

Кирилла моё молчание, как и следовало ожидать, начало выносить с первой же минуты. Он яростно крутил руль, то и дело перестраиваясь из ряда в ряд и шумно выдыхая сквозь зубы.

— Какого хера этот урод вообще притащился к нашему дому в такую рань?! — наконец взревел он, резко ударив ладонью по рулю. Голос буквально вибрировал от злости. — С каких это пор Воронов стал жаворонком, а? Он сам, блять, вечно прогуливает первые лекции и приползает в академию дай бог к десяти! А тут в семь утра уже как штык стоит у ворот, караулит! Что за дебилские показательные выступления?!

Я упрямо молчала. Даже глазом не повела в его сторону, продолжая гипнотизировать взглядом пролетающие мимо дорожные указатели. Для меня его сейчас просто не существовало. Это была лучшая тактика — его собственный гнев пожирал его изнутри гораздо эффективнее моих ответов.

Поняв, что я не собираюсь поддерживать этот ор, Кирилл

злобно цыкнул и сильнее утопил педаль газа.

Я лениво залезла в сумочку, выудила мобильник и демонстративно открыла мессенджер, полностью погружаясь в экран. Телефон тут же настойчиво зажужжал от входящих сообщений. Разумеется, это был Макс.

Макс: *«Блин, Ксюнь, это было жестко. Твой братец реально без тормозов. Украли принцессу прямо из-под носа! Сижусь один в машине, плачу крокодильими слезами».*

К сообщению он прикрепил селфи: Макс сидел за рулем, состроив уморительно грустную, плаксивую гримасу и прижав кулак к щеке.

Я не выдержала. На моих губах сама собой заиграла легкая улыбка. Я прямо на ходу открыла камеру, поудобнее перехватила телефон и сделала быстрое селфи. Ракурс получился идеальным: на заднем плане в фокус попал Кирилл — сдвинутые к переносице брови, злой, перекошенный от ярости профиль, — который как раз в этот момент что-то раздраженно бурчал себе под нос. А на переднем плане была я — весело зажмурив глаза, я кокетливо прикрывала рот ладошкой, едва сдерживая смех.

Я отправила снимок Макс, быстро добавив короткий текст:

«У меня тут срочная нотация от братика. Спасаясь как могу. Напишу позже».

Не успела я заблокировать экран, как Кирилл, заметивший краем глаза мою возню и эту дурацкую переписку, окон-

чательно потерял остатки контроля. Он резко, прямо на ходу дёрнул руку и с силой вырвал мобильник из моих пальцев.

— Эй! — наконец нарушила я свой бойкот, возмущенно вскрикнув и попытавшись отобрать вещь назад.

Кирилл бросил быстрый взгляд на экран, пробежался глазами по нашему чату с Максом, прочитал про «нотацию от братика» и увидел фотку. Его челюсть сжалась так, что на лице заходили ходуном последние желваки, а глаза превратились в две узкие щели.

— Идиоты, — брезгливо и тяжело бросил он, швырнув мобильник обратно мне на колени.

Он с такой силой сжал руль, что костяшки его пальцев побелели. Но вопреки его ожиданиям, я лишь аккуратно подняла телефон, спрятала его в сумку и снова отвернулась к окну, продолжая тихо улыбаться. Маска грозного надзирателя накрылась медным тазом, и мы оба это прекрасно понимали.

Мы снова остановились у академии. Я поспешно открыла дверь и вышла на свежий воздух, но буквально через пару минут на парковку с оглушительным рёвом подъехал и Макс.

В ту же секунду из толпы студентов отделилась Камила. Как я уже успела узнать из девичьих сплетен в чатах, она была девушкой Кирилла. Ну, как девушкой — они встречались уже полгода, периодически вместе гуляли и спали. Камила тут же подлетела к Чернову и присосалась к его губам как пиявка.

Кирилл, обвив её за талию, уже по привычке упрямо смот-

рел прямо на меня через её плечо. Я не выдержала, скривила лицо и снова демонстративно изобразила тошноту двумя пальцами. В ответ этот ненормальный, не разрывая контакта с Камиллой, злобно показал мне кулак и... с какой-то бешеной агрессией засунул ей язык прямо в рот.

— Гадость, — негромко проговорил Макс, внезапно вырастая рядом со мной.

Он по-хозяйски подхватил меня за талию, прижимая к своему боку, и громко бросил Кириллу:

— Мы, пожалуй, лучше пойдем.

Воронов потащил меня за собой в сторону корпуса искусств. Но я какое-то время ещё продолжала оглядываться, упрямо смотря Кириллу прямо в глаза через разделяющее нас расстояние. И почему он так смотрит? Разве целоваться надо так? Словно ему было больно. Он словно специально устраивал эту дешевую игру на моих глазах и засовывал Камиле язык всё глубже, просто чтобы задеть меня.

Внутри противно закололо. Я лишь сильнее поджала губы, резко отвернулась и, убрав руку Макса со своей талии, быстро буркнула ему:

— Макс, мне срочно надо в деканат. Я догоню.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и побежала совсем в другую сторону от него, стремясь поскорее скрыться в толпе. Голова шла кругом. Я не смотрела по сторонам и на полной скорости со всего маху врезалась в какого-то парня.

Моя сумочка грохнулась на асфальт, и из неё веером по-

сыпались карандаши.

— Оу, прости, не заметил, — тут же отозвался парень, растерянно отступая на шаг.

— Это ты извини, я очень торопилась, — выдохнула я, присаживаясь на корточки.

Он тут же опустился рядом и помог мне быстро собрать вещи. Подняв сумку, он протянул её мне. Я взяла ремешок и, прежде чем зайти вглубь здания, ещё один, последний раз обернулась назад.

Кирилл всё так же неподвижно стоял на парковке и издалека пристально, тяжело смотрел прямо на меня. Теперь он стоял один. Камила крутилась рядом и снова что-то недовольно, капризно ему выговаривала, активно размахивая руками, но он её вообще не слушал. Его взгляд был прикован ко мне и к парню рядом со мной.

— Прости ещё раз, — повторила я незнакомцу, поспешно отводя глаза от Чернова.

Я резко развернулась, собираясь бежать дальше.

— Я, кстати, Глеб! — крикнул он мне вдогонку, приветливо улыбаясь.

— Ксюша! — отозвалась я на бегу и окончательно скрылась за поворотом, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

Глава 10

Все пары я сидела как в тумане. Слова преподавателей долетали до меня будто сквозь толщу воды, а перед глазами то и дело вспыхивала утренняя сцена на парковке. Телефоны на партах вокруг вибрировали, студенты перешептывались, а я тупо смотрела в одну точку.

Макс засыпал меня сообщениями. Он прислал те самые смешные фотки с моста, где мы кривлялись, и глядя на них, я улыбнулась — искренне, тепло. Воронов прокомментировал каждую, дурачась и подкалывая меня. А вот под снимком с поцелуем в щеку он снова настрочил какую-то приторную, смешную цитату в своем стиле:

«Её губы сладкие как мёд, но я их так и не попробовал. Моё упущение.»

Я должна была посмеяться. Должна была оценить его очередной глупый подкат, но, глядя на этот снимок, я видела перед собой только Кирилла. Его сузившиеся, злые глаза. И то, как он с какой-то яростной, безумной агрессией пихал свой язык в рот Камиле. Эта девица на глазах у сотен студентов чуть ли не разделась перед ним, вешаясь на шею, готовая отдаться прямо на капоте его внедорожника.

«Какая гадость, — подумала я, чувствуя, как к горлу подступает отчетливая тошнота. — Наглый, испорченный кобель. Терпеть его не могу.»

Но если я так сильно его презирала, почему тогда продолжала думать о нём каждую минуту? Чернов засел в моей голове как проклятая, ржавая заноза, которую никак не получилось вытащить. Его дикий наезд, его дыхание на моих губах, его хватка, когда он закидывал меня на плечо... Это выводило из себя. Я упрямо пыталась сосредоточиться на учёбе, заставить себя думать о программе перевода, но мысли раз за разом возвращались к нему.

На практическом занятии по искусству нам дали задание выводить базовые штрихи — тренировать тени и объёмы. Я взяла мягкий угольный карандаш и погрузилась в работу. Рука двигалась совершенно механически, рваными, резкими толчками. Я не контролировала процесс, просто выплескивала на бумагу всё то напряжение, что скопилось внутри за утро.

Когда я наконец очнулась и опустила взгляд на планшет, у меня перехватило дыхание. Пальцы судорожно сжались, и я чуть не смяла этот несчастный лист формата А3 в плотный комок. Но в последний момент сдержалась. Плотно поджав губы, я оставила рисунок как есть.

На листе не было учебных кубов или шаров. На нем были нарисованы губы. Точнее — поцелуй. Грязный, дикий, почти животный поцелуй Камилы и Кирилла. Мои угольные штрихи с пугающей, маниакальной точностью передали то, как их языки танцуют в этом извращенном, яростном танце, буквально сминая губы друг друга. В этой работе было

столько скрытой агрессии, боли и безумия, что мне самой стало страшно от собственной графики.

В этот момент за моей спиной раздались тихие шаги. Преподаватель — пожилой, строгий профессор с седой бородкой — медленно шел между рядами мольбертов. Он остановился прямо за моим плечом. Я замерла, внутренне готовая к тому, что он сейчас начнет ругать меня за самоуправство и нарушение задания.

Профессор долго, молча всматривался в мой угольный рисунок. Его брови медленно поползли вверх.

— Экспрессивно... — негромко отозвался он, поправляя очки. — Очень сильная анатомия и потрясающая передача эмоций через штрих. Ксения, а что у вас есть ещё из работ? Покажите?

Я молча, не зная, куда деться от неловкости, придвинула ему свой личный альбом в кожаном переплете. Профессор бережно взял его и стал неторопливо перелистывать страницы. В нём были только части тела. Мои старые наброски. Глаза, прорисованные до мельчайших капилляров, чувственные губы, сплетения тонких рук и темные, размытые силуэты. Портреты Кирилла, которые я сделала ночью, к счастью, были дальше, и препод до них не дошел.

— Потрясающе, — негромко проговорил он, закрывая альбом и возвращая его мне. На его лице читалось искреннее уважение к моему таланту. — У вас редкое видение формы, голубушка.

Он тут же что-то быстро чиркнул в своем журнале и пошёл дальше по рядам, оставляя меня переводить дыхание.

Едва я успела закрыть скетчбук, как телефон в кармане жилетки настойчиво зажуужал. На экране высветилось переименованное имя: «Дикарь».

Дикарь: *«Светлова, у тебя осталась одна пара. Чтобы через сорок минут стояла у машины. Попробуешь снова сбежать с моим другом — я за уши тебя из его тачки вытащу прямо перед твоим факультетом. Мне плевать на твои капризы!»*

Я сжала мобильник в руке, чувствуя, как этот идиот своим сообщением снова бесцеремонно ворвался в мою голову. Он делал это словно специально, как по расписанию, напоминая о своём контроле и не давая мне сделать ни одного спокойного вдоха.

Кое-как, изнывая от напряжения, я дождалась окончания последней пары. Едва прозвенел звонок, я первая сорвалась с места. Быстро закинула альбом в сумку и вылетела из аудитории, почти бегом направляясь к запасному выходу из корпуса. Бежать к парковке, где меня наверняка караулил Кирилл, я не собиралась. Мне нужно было побыть одной. Срочно.

Выскочив на задний двор, я быстрым шагом дошла до оживленной трассы за территорией кампуса, буквально за секунду поймала свободное городское такси и умчалась домой, молясь только об одном: чтобы меня никто не видел.

Пока машина стояла в пробках, мой телефон разрывался от входящих. Кирилл безостановочно записывал мне голосовые и строчил СМС, требуя отчета, где я нахожусь. Сколько можно меня искать? Он был в бешенстве, это читалось в каждом его коротком сообщении. Но я упрямо не отвечала, заблокировав экран и глядя в окно.

«Ты хотел поиграть в надзирателя, Чернов? — зло подумала я, пряча лицо в воротник жилетки. — Ну так вперед. Пусть поищет».

Глава 11

Повествование от лица Кирилла

Я ждал её около двух часов. Как последний идиот, нарезал круги вокруг корпуса искусств, ловя на себе удивленные взгляды патлатых художников, а потом плюнул на всё и пошёл прочесывать аудитории. Спрашивал у каждого встречного про платиновую Ваниль в короткой складчатой юбке. Только под самый конец какая-то её новоиспеченная подруга сжалась над моей хмурой рожей и, сверяясь со своим телефоном, выдала: Ксюша давно ушла, поймала такси и, судя по их девичьему чату, эта дрянь уже вовсю сидела дома.

— Ну, я тебе... — прошипел я сквозь зубы, чувствуя, как внутри всё плавится от бешеного гнева.

Я долетел до парковки, с силой рванул дверь, прыгнул за руль и нажал на газ, с пробуксовкой вылетая с территории кампуса в сторону элитного поселка.

Телефон на приборной панели безостановочно вибрировал. Камила. Она разрывала мой мобильник своими глупыми, капризными сообщениями, требуя внимания, объяснений и продолжения банкета. Её СМС всплывали одно за другим, и в какой-то момент меня просто переклинило. Липкий, тяжёлый ванильно-ягодный запах Ванили, который до сих пор призраком стоял в салоне моей машины, напрочь вытеснил из головы всё остальное. Мне стало тошно. Тошно

от Камилы, от её предсказуемости, от этой заезженной пластинки, которая больше ничего во мне не зажигала.

Я резко затормозил на светофоре, схватил трубку и быстро настроил ей:

«Всё кончено».

Конечно же, до неё не сразу дошло. Камила решила, что это очередная глупая шутка, и принялась с удвоенной силой штурмовать мой номер. Экран мигал, не переставая. Потеряв остатки терпения, я сам нажал на вызов и прижал телефон к уху.

— Кирюш, ну что опять за глупости? — тут же капризно пропела она на том конце провода. — Что значит «всё кончено»?

— Всё кончено, — грубо и монотонно повторил я, глядя на пустую трассу впереди. — Ты мне надоела, Камил.

На том конце трубки сначала послышалось шуршание, а потом она шумно всхлипнула. В её голосе прорезались настоящие, не притворные слезы:

— Ты же это не серьезно, да? Из-за чего, Кирилл?

— Серьёзней некуда, — отрезал я, перехватывая руль одной рукой. — Я подумал на досуге и понял, что с тобой скучно. До безумия пресно. Мне надо что-то менять в своей жизни. Всё, давай, пока.

Я нажал на отбой и со стуком швырнул телефон на соседнее сиденье. Внутри не шевельнулось ни капли жалости. Я прекрасно знал, что поступаю как конченный, эгоистичный

урод. Да и Камила, если честно, с самого начала знала, кто я такой и во что ввязывается. У меня никогда не было нимба над головой.

Но вот быть уродом для Ванили мне почему-то сильно не хотелось.

Я сжал руль до хруста в костяшках, утапливая педаль газа в пол. Но и показывать этой упрямой дуре, что я поплыл из-за неё в первый же день, тоже было нельзя. Она не поймёт. С её этой ледяной гордостью и стержнем она просто посмеётся надо мной, растопчет моё мужское самолюбие и выставит полным дураком. Да и родители... Если отец или мачеха хоть краем глаза заметят, что меня штормит от собственной сводной сестры, начнется грандиозный ад. Высшее общество, бизнес-репутация, одна семья — всё полетит в бездну.

Имею ли я вообще право на это запретное чувство? К девушке, которую родители называют моей сестрой?

— Да похуй, — шипя прорычал я в пустой салон, и на моих губах появилась опасная, хищная усмешка.

Я Чернов. Я привык брать от этой жизни всё, что захочу, ломая любые барьеры. Я имею право на всё. И первое, чего я сейчас желаю до боли в рёбрах и темноты в глазах, — это её. Мою дерзкую, упрямую Ваниль. И я заставлю её признать это.

Я приехал домой в самом паршивом настроении. С силой толкнув входную дверь, я ворвался в прихожую.

— Где тебя носит?! — рывкнул я на весь дом, срывая голос.

Я заранее знал, что родителей опять нет на месте — их машин на парковке не было. В огромном особняке стояла тишина, и лишь испуганная служанка робко выглянула из-за дверей кухни, сжимая в руках полотенце.

— Где Ксения? — прошипел я, делая шаг в её сторону и тяжело дыша.

Женщина вздрогнула и поспешно указала рукой на лестницу.

— У себя в комнате, Кирилл Игоревич. Была там... У неё подготовка какая-то к занятиям, просила не мешать и не беспокоить.

— Отлично. Не будем мешать, — ядовито усмехнулся я.

Развернувшись, я бегом бросился вверх по лестнице, перескакивая через две ступени. Злость гнала меня вперёд, прямо к её комнате. Долетев до нужной двери, я даже стучать не стал — просто дёрнул ручку вниз. Снова не заперто. Эта девчонка вообще не думает о безопасности?

Я резко толкнул створку и замер на пороге. Злость, горевшая во мне всю дорогу, вдруг натолкнулась на прозрачную стену.

Ксюша сидела в больших беспроводных наушниках прямо на полу, поджав под себя ноги. Перед ней стоял деревянный мольберт, и она, словно загипнотизированная, плавными, отточенными движениями выводила угольные штрихи

на большом холсте, тихо напевая какую-то мелодию себе под нос. Она была полностью погружена в свой мир, не замечая ничего вокруг.

Я даже опешил. Сердце пропустило удар. Напряжение в моих плечах спало, уступая место какому-то странному, заворуженному ступору. Не отдавая себе отчета, я плавно вытащил из кармана джинсов телефон, навел камеру и незаметно, бесшумно сфоткал её. Мягкий свет из окна падал на её волосы, очерчивал хрупкую линию шеи и открытое плечо с тонкой бретелькой. Дьявол, она была безумно красивая. Настоящее искусство, к которому страшно прикоснуться.

Но стоило мне чуть сильнее податься вперёд и прикрыть за собой дверь, как замок тихо щёлкнул. Ксюша мгновенно вздрогнула всем телом и резко обернулась. Её глаза округлились, и она тут же нахмурилась, раздраженно откладывая в сторону испачканную кисть. Одним движением она стащила наушники на шею.

— Кто разрешил войти без стука? — холодно проговорила она, буравя меня ледяным взглядом.

— А кто запрещал? — я вернул на лицо свою привычную наглую мину, на ходу складывая руки на груди.

А потом и вовсе оттолкнулся спиной от косяка, вальяжной походкой прошагал в глубь её комнаты и с размаху, бесцеремонно плюхнулся прямо на её заправленную кровать. Я закинул руки за голову, лениво разглядывая холст на мольберте, на котором красовалось какое-то тёмное, хаотичное

месиво из рваных линий.

— М-да... Может, тебе лучше посмотреть в интернете, как это делается? — с издевкой протянул я, криво усмехнувшись. — Кажется, у тебя получилась какая-то полная ерунда. Это вообще что? Баклажанная бляха на асфальте?

— Грозное небо, — спокойно и сухо отозвалась Ксюша, даже не поведясь на мой очевидный стёб. — И оно ещё не законченное.

— И когда ты его, интересно, закончишь? — я приподнял бровь.

— Через шесть часов, — так же флегматично выдохнула она, а потом вдруг устало, обессиленно плюхнулась спиной прямо на кровать рядом со мной, шумно простонав в потолок.

— Жесть... — отозвался я, приподнимая голову с её подушки и продолжая коситься на холст. — Зачем вообще рисовать грозное небо в солнечный день? Что за депрессивные наклонности?

— Так надо, — Ксюша продолжала лежать неподвижно, бездумно глядя в белый потолок. Её грудь мерно вздымалась. — Было задание от профессора, вот я его и делаю. Отстань.

Внутри меня снова шевельнулось желание, которое заставляло меня творить глупости. Недолго думая, я резко привстал на локтях, подался вперед и буквально навис над её лицом, перекрывая ей весь обзор. Ксюша мгновенно на-

пряглась, её дыхание перехватило, а зрачки сузились от такой внезапной близости.

Я лишь довольно усмехнулся, глядя на её реакцию сверху вниз. Мне безумно нравилось, как она реагирует на меня в такие моменты — без своей этой привычной, напускной дерзости, по-настоящему, растерянно и беззащитно. Наше сокращенное до минимума расстояние кружило голову.

— Я ждал тебя, гребаные два часа, как дурак, на этой парковке, — тихо, с угрожающими нотками прорычал я ей прямо в лицо. Вспомнив её побег, я снова разозлился. — А ты тут, оказывается, свои блямбы выводишь? Ответить на мои сообщения сложно было?

Ксюша от моего напора быстро пришла в себя. Она уперлась ладонями в мои плечи, с силой отпихнула меня от себя и резко поднялась на ноги.

— Я тебя что, просила меня ждать? — звонко и зло бросила она, разминая затекшую шею. В её глазах снова заплясали упрямые искры. — Или я умоляла тебя караулить меня у корпуса и везти домой? Чернов, очнись. У меня в этом городе есть свои дела, уже друзья появились. Я взрослая девочка и могу быть где угодно и с кем угодно. Понял?

В этот самый момент её мобильник, лежащий на прикроватной тумбочке прямо рядом со мной, настойчиво пропиликал. Экран загорелся, и на нём высветилось всплывающее уведомление из мессенджера от какого-то Глеба Данилова.

«Привет! Прости ещё раз за то, что врезался в тебя се-

годня. Может, исправим это и выпьем как-нибудь кофе?» — гласил текст.

У меня внутри всё мгновенно заклокотало от ярости. Глеб Данилов? Это ещё что за хер с горы?! Я лишь брезгливо скривился, мгновенно перехватил её телефон со столика и нагло открыл мессенджер, собираясь лично настрочить этому Глебу, куда ему стоит пойти со своим кофе.

— Совсем уже охренел... — прорычал я.

— Отдай! — Ксюша коршуном налетела на меня, с силой выхватила телефон из моих пальцев и сама быстро пробежала глазами по строчкам сообщения.

Её лицо оставалось сосредоточенным. Она быстро застучала пальцами по экрану, что-то написала в ответ (я готов был поклясться, что она согласилась), а затем с раздражением откинула мобильник в сторону. Телефон со стуком пролетел по ковру и упал на пол прямо рядом с банками из-под краски и угля.

— Что за дурацкая манера лезть в чужие вещи? — Ксюша зло посмотрела на меня, указывая пальцем на дверь. — Всё, уходи отсюда. Мне работать надо. Живо на выход, Чернов.

— А что мне за это будет? — тут же заулыбался я, намеренно проигнорировав её приказ, и снова резко сократил расстояние до её лица.

Ксюша моментально вся подобралась, замирая на месте и почти переставая дышать от такой наглости. Наше дыхание снова смешалось, и я кожей чувствовал, как бешено коло-

тится её сердце.

— Уходи, — проговорила она на удивление спокойно, упрямо удерживая мой взгляд своими ледяными глазами. Ни капли паники в голосе, только стержень.

— Как тебе цветы? — отозвался я, не переставая смотреть ей прямо в глаза и ловя каждый миллиметр её мимики.

— Красивые. Спасибо, — снова ровно и спокойно проговорила она, хотя я видел, как сильно напряглись её плечи.

Вместо ответа я начал медленно наступать на неё, буквально заставляя пятиться назад. Ксюша, видимо, в порыве подсознательного страха попыталась отступить в сторону, но в итоге предсказуемо врезалась спиной в стену рядом с мольбертом. Я тут же уперся ладонью в обои прямо над её ухом, блокируя любой путь к отступлению и нависая над ней всем телом.

— Будешь вести себя хорошо, и я тебе притащу таких ещё очень много, — тихо, с хрипотцой прошептал я ей почти в самые губы, обжигая дыханием её фарфоровую кожу. — А если плохо... я лично выброшу все твои мольберты и холсты в бассейн. Так и знай, Ваниль.

Она не испугалась. Наоборот, её глаза яростно сузились, а на губах появилась опасная, дерзкая улыбка.

— Тогда я разобью твою тачку, — без единого колебания отозвалась она, гордо вскинув подбородок.

— Кишка тонка, — тихо проговорил я, оценив её боевой настрой.

Медленно, почти невесомо я мазнул костяшками пальцев по её покрасневшейся щеке, заставляя её вздрогнуть от этого неожиданного, интимного прикосновения. Развернувшись на пятках, я вальяжной походкой вышел из её комнаты, наконец-то закрыв за собой дверь. Внутри меня всё пело — эта кошка определенно умела выпускать когти, и укрощать её будет лучшим, что случилось в моей жизни.

Глава 12

Повествование от лица Ксюши

Весь день в особняке Черновых с самого утра пошёл через одно беспросветное место. Я умудрилась в очередной раз жёстко нарушить личные границы Кирилла — сделала всё с точностью да наоборот, лишь бы уколоть его мажорскую гордость. Судя по тому, как он утром на меня посмотрел, чаша его хлипкого терпения окончательно переполнилась.

Вопреки его прямым указаниям и запретам, я продолжала активно гулять с Максимом. Мы общались, созванивались по несколько раз в день, скидывали друг другу смешные картинки. Это была абсолютно невинная, чистая дружба, но Кирилл почему-то бесился так, словно я совершала государственную измену прямо у него под носом. Его дурацкий радар буквально зашкаливал, и это хождение по лезвию ножа заводило меня ещё больше.

Мне нравилось его бесить. Раз уж наши вынужденные отношения как «брата и сестры» сразу же, с самого первого дня не заладились, то я решила использовать все доступные способы и в открытую поиграть на его натянутых нервах. Но, видимо, сегодня я крупно не рассчитала масштабы его ответного взрыва.

Когда я спустя час вернулась домой и вышла на веранду, у меня буквально дыхание перехватило. Мои глаза от ужаса

и шока округлились до размеров пятирублевых монет. Я замерла у самого бортика, не в силах поверить в происходящее безумие.

Он всё же это сделал козёл.

Тяжёлый деревянный каркас моего мольберта уныло покачивался прямо в центре глубокого лазурную бассейна. Дорогой холст с неоконченной работой полностью промок, безнадежно разбухая, а свежая, яркая краска тонкими, цветными разводами уже всю маслянисто размывалась по идеальной прозрачной глади воды, уничтожая плод моего многодневного труда.

Я медленно подняла голову вверх. Кирилл стоял на втором этаже, у своего панорамного окна, лениво опершись о косяк с сигаретой в зубах, и откровенно, нагло усмехался, глядя на мой праведный шок.

Внутри меня в одну секунду вспыхнул самый настоящий, ядерный взрыв. Злость ослепила так, что в ушах зазвенело. Я не собиралась бежать к нему наверх и устраивать истерику с кулаками. Нет. Я напролом рванула прямиком в гараж.

Спустя минуту железная створка гаража с грохотом распахнулась. Я вышла на подъездную дорожку, тяжело, рвано дыша, а в моих пальцах была зажата тяжёлая железная бита.

Я целеустремленно, чеканя каждый шаг своими шпильками, подошла к его новенькому, блестящему черному автомобилю. И без единой секунды сомнений, с диким, отчаянным криком со всей дури обрушила железо прямо на кузов.

Первым же яростным, точным ударом вдребезги разлетелось правое боковое зеркало, осыпав асфальт мелкими сверкающими осколками.

Лицо горело от прилива адреналина. Я замахнулась снова, перехватывая поудобнее металлическую рукоять.

Хруст!

Тяжёлая бита с оглушительным звуком впечаталась ровно по центру лобового стекла, покрывая его паутиной глубоких трещин. Но на этом я даже не подумала останавливаться. Замахнувшись из-за плеча, я принялась методично, ожесточенно крушить его капот, оставляя на идеальном черном глянце глубокие, уродливые вмятины и со всей дури сдирая дорогую краску до самого металла.

Чернов выскочил на шум и кажется даже подавился сигаретным дымом. Опешив, он скатился по лестнице вниз и с грохотом выскочил на крыльцо особняка, во весь голос оря на всю улицу:

— Ты что, совсем конченная?! Ненормальная, блять! Остановись! Ты хоть вообще своей тупой башкой понимаешь, сколько, сука, денег стоит эта тачка?!

От его яростного крика я лишь в последний раз с силой опустила биту на помятое крыло, а затем со звонким стуком откинула железное орудие далеко в сторону, прямо на зеленый газон.

Я тяжело, рвано дышала, а мои волосы полностью растрепались от бешеных махов. Медленным, вызывающе спокой-

ным движением я аккуратно поправила выбившуюся прядь волос за ухо, упрямо посмотрела ему прямо в глаза своим ледяным, торжествующим взглядом:

— У меня, Чернов, в отличие от некоторых, никогда не была тонка кишка. Я тебе ещё тогда ясно сказала: не смей. Ты сам во всем виноват. Поздравляю, братец. Теперь до своей любимой академии ты будешь ходить исключительно пешком.

Конечно же, пешком он в итоге никуда не ходил. Моя маленькая месть разлетелась в пух и прах об его бездонные семейные счета. Уже на следующий день на подъездную дорожку особняка ему пригнали новую, блестящую, точно такую же красотку, пахнущую заводской кожей и дорогим глянцем.

Своему строгому отцу Кирилл без зазрения совести соварал, что его предыдущую тачку нагло поломали какие-то конченные, чокнутые уличные уроды на парковке у клуба. Чтобы его ложь выглядела максимально правдоподобно и Игоря не потянуло проверять записи, Чернов ночью лично подкрутил и стер все нужные записи на камеры нашей домашней парковки.

Но мне, честно говоря, на его новую игрушку было абсолютно всё равно. Самое главное — я смогла доказать ему, что со мной его дурацкие мажорские замашки не пройдут.

Спустя ещё одну неделю этот безумный, искрящийся момент словно забылся совсем. Жизнь в особняке постепенно

вернулась в свое привычное, внешне спокойное русло. Мы больше вообще ни разу не поднимали эту болезную тему в разговорах, делая вид, что между нами не велась тихая война на выживание. Но свои выводы Чернов, судя по всему, сделал правильные — мои новые холсты и мольберты он больше пальцем не трогал.

Всю другую неделю я ходила как бледная тень, балансируя на грани полного физического и морального истощения. В академии начались по-настоящему жесткие, спартанские условия. Уровень требований к студентам здесь оказался в разы выше, чем в моём прежнем тихом вузе, а преподаватели не давали ни малейшей поблажки, заставляя перерисовывать один и тот же штрих десятками раз. Домой я возвращалась без сил, мечтая только о подушке.

Но настоящий, леденящий ужас в моей жизни начался после того наброска с грязным, порочным поцелуем и бесцеремонного просмотра моего личного скетчбука.

Преподаватель по практике искусств — Семён Петрович — передал мне через старосту, что мои работы ему безумно понравились. Он разглядел в моих анатомических штрихах какую-то дикую экспрессию. В итоге меня буквально всю неделю таскали по кафедре. Я чувствовала себя экспонатом: ходила из кабинета в кабинет и показывала каждому профессору свои наброски глаз, рук и силуэтов.

И вот результат. Я, Ксюша Светлова, теперь официально собираюсь к какой-то крупной молодежной выставке, где ку-

раторы хотят показать часть моих графических работ.

Для меня это был огромный шанс, но плата за него оказалась высокой. Мне приходилось сидеть ночами, заваривая литры крепкого кофе, и линия за линией выполнять свои образы на огромных холстах. Пальцы вечно были испачканы углём и графитом, а спина ломилась от долгих часов у мольберта. Из-за этого бешеного графика я практически не видела маму и Игоря. Но самое отличное — я вообще не видела Кирилла.

Мы превратились в двух призраков, обитающих в разных часовых поясах одного особняка. Пока он был на учебе или пропадал со своими бизнес-друзьями, я спускалась вниз и спокойно ела. Пока он спал под утро, я закрывалась у себя и работала под тихий шелест кистей.

Впрочем, Чернов не был бы Черновым, если бы просто оставил меня в покое. Всё, что он делал, чтобы окончательно меня доконать, делилось на две крайности. Днём или поздним вечером он упрямо долбил кулаками в мою дверь с дежурными угрозами вроде: *«Светлова, если я найду в бассейне хоть одну ракушку, твои краски полетят следом»*, или безостановочно строчил СМС в своем приказном стиле.

Но под утро этот дикарь словно ломался. С первыми лучами солнца он снова становился странно милым и оставлял для меня новые охапки свежих, безумно пахнущих роз. Если я в спешке забывала закрыть дверь на замок — букеты обнаруживались прямо на моей прикроватной тумбочке. Ес-

ли запиралась — огромные охапки цветов преграждали мне выход, красуясь прямо у двери в коридоре.

Я не знала, зачем он это делает. Какая-то извращенная форма извинения или новый раунд его игры? К каждому букету он вечно прикреплял свои тупые, размашистые записки. Сегодня утром на листке красовалось: *«Ваниль, от твоего ванильного парфюма у меня скоро начнет астма. Переходи на розы. Это приказ».*

Я лишь тихо хихикнула, пряча записку в ящик стола к остальным, и принялась упаковывать готовые работы.

Сегодня был решающий день — день сдачи холстов на кафедру для отправки в галерею. Понимая, что одной мне физически не справиться, я накануне вечером попросила Игоря помочь мне отвезти всё это добро в академию. Объемы были внушительными: огромная, жесткая черная сумка-папка формата А2, внутри которой лежали подрамники, весила прилично и едва помещалась в руках.

Я с трудом стащила её со второго этажа в холл, тяжело дыша и поправляя растрепавшиеся волосы. Игорь уже ждал меня у выхода, натягивая пиджак и приветливо улыбаясь. Но стоило нам подойти к парадным дверям, как со стороны кухни слышались шаги, и в холл вальяжной походкой вышел Кирилл, держа в руке стакан с соком. Его сонный, тяжелый взгляд мгновенно смерил мою гигантскую черную сумку, а затем переместился на отца.

— Может, ты соизволишь помочь? — проговорил Игорь,

строго посмотрев на сына.

Кирилл лениво отставил свой стакан на комод, медленно почесал затылок и даже демонстративно зевнул, раскрывая рот во всю ширь, словно сидел на приеме у лора.

— Я что, грузчик? — недовольно отозвался он, но его глаза тут же уставились на мою папку. — Что за махина вообще? Ты как её досюда допёрла, Ваниль? Она же размером с тебя.

В этот момент из коридора, ведущего к крылу служанок, вышла мама. Увидев меня с этой гигантской ношей, она тут же подбежала и крепко обняла меня, едва не свалив вместе с холстами.

— Доченька! Уверена, у тебя всё будет просто здорово, им обязательно понравится, — взволнованно зашебетала она, поглаживая меня по плечу. — Я же знаю, что у тебя настоящий талант!

— Мам... — тихо проговорила я, чувствуя, как краснеют уши под бдительным взглядом Чернова. — Вообще-то, этот талант должен был остаться чисто при мне. Всё вышло чисто случайно. Я вообще планировала другое направление в живописи сдавать, а не эту графику.

— Дашь взглянуть? — мама с любопытством потянула за край молнии.

Она тихонько приоткрыла папку и заглянула внутрь, где лежали мои огромные ночные работы.

— Ого-о-о... Это серьёзно всё сделано за такое короткое время? Милая, я так тобой горжусь!

Кирилл за моей спиной тоже явно заинтересовался. Он так любопытно вытянул шею, пытаясь заглянуть через мамино плечо, что я среагировала чисто на рефлексх. Быстро протянула руку, ухватила его пальцами за хлопковую футболку прямо на спине и с силой оттащила назад.

— Куда лезешь? Не для твоих глаз, — буркнула я, резко застегнув молнию сумки обратно.

Чернов от такой наглости лишь возмущенно выгнул бровь, но промолчал. Игорь, мягко посмеиваясь над нашей возней, всё же утащил её на улицу, к своей машине. Но уже через полминуты с крыльца донесся его громкий, не терпящий возражений крик:

— Кирилл! Быстро одевайся и отвези Ксюшу в академию! Нам с матерью уже ехать пора, мы на бизнес-встречу опаздываем!

— У меня выходной! — уже с кухни крикнул Кирилл, недовольно зыркнув на меня. — Суббота же сегодня!

— А у меня ноль на твоей карте! — весело, но с ощутимой угрозой отозвался с улицы отец.

Кирилл на секунду замер. Он повернулся ко мне и смеялся каким-то странным, изучающим взглядом, полным злости — словно это лично я перекрыла ему весь кислород и лишила финансов. Напоследок шумно выдохнув сквозь зубы, он развернулся и побежал наверх, на ходу стягивая домашнюю футболку, чтобы переодеться.

— Я целую неделю кайфовал, и вот ты снова вылезла из-

под своих завалов и налепила мне проблем, — раздраженно проворчал Кирилл, едва внедорожник выехал за ворота особняка и набрал скорость. Он с силой сжал руль. — Ты вообще в курсе, Светлова, что у меня сегодня свидание? Из-за тебя всё летит к чертям.

Я удивленно выгнула бровь и повернулась к нему.

— Серьезно? — на моих губах появилась скептическая усмешка. — Даже удивительно, что вы с ней ещё и на свидания ходите. Я-то думала, ваше свидание — это просто пихать язык в глотку на виду у всего университета. Странно, что вы прямо там, на капоте, не...

Я тут же замолчала, резко осеклась и прикрыла рот ладонью, демонстративно прокашлявшись. Слишком сильно из меня вылезли эмоции, которые я копила все недели, глядя на его утренние букеты у двери.

Кирилл на секунду оторвался от дороги и обернулся ко мне с такой дурацкой, довольной улыбкой, от которой захотелось закатить глаза. Он явно праздновал маленькую победу — я наконец-то показала, что та сцена на парковке меня зацепила.

— Вообще-то, не с Камиллой, — вкрадчиво отозвался он. На его губах снова заиграла ядовитая ухмылка. Он снова посмотрел вперёд, плавно объезжая плетущуюся впереди легковушку. — Мы расстались.

Сердце внутри сделало странный кульбит, но снаружи я осталась ледяным монолитом.

— Даже знать не хочу! — замахала я руками перед его лицом, делая вид, что меня это совершенно не волнует. — Освободи меня от этой информации, Чернов. Мне абсолютно плевать, с кем ты там спишь и с кем расстаешься.

В этот самый момент моя сумочка на коленях настойчиво зажужжала. Я выудила телефон, открыла мессенджер и... едва не поперхнулась собственным воздухом, глядя на экран. А секунду спустя и вовсе искренне, громко засмеялась на весь салон.

Это был Макс. Он прислал коллаж из двух фотографий. Слева был снимок его собственного, безупречного рельефного пресса, а справа — детальный снимок глиняного торса, который мы вчера лепили на практике в академии. Ниже висел текст:

Макс: «Думаю, это твоя работа, Ксюнь. Сходство стопроцентное, получилось идеально) Из-за такой оценки я приду на ваш факультет сам.

Я продолжала тихо хохотать, перечитывая его глупое сообщение. Кирилл, заметив мою реакцию, мгновенно изменился в лице. Улыбка с его губ испарилась, а глаза опасно сузились. Он резко, прямо на ходу попытался вырвать телефон из моих пальцев, чтобы посмотреть, кто там такой юморист.

— Ну-ка дай сюда! — рыкнул он.

Но я ловко увернулась, прижимая мобильник к груди, и заблокировала экран прямо перед его носом.

— Чего пристал?! — тут же возмутилась я, зло зыркнув на него из-под челки. — Твоя гиперопека уже поперёк горла стоит! Суешь свой нос куда не надо. И кстати... можешь даже не искать меня сегодня после пар, как ты делаешь это обычно. У меня тоже кое-какая встреча намечается, так что домой я приеду сама. Тем более, раз у тебя свидание, то не буду мешать, — добавила я с подчеркнуто безразличным видом, спокойно разблокировала телефон и отпечатала Максy:

Ксюша: *«Воронов, ты промахнулся. Я лепила вообще не тело, так что не льсти себе».*

Ответ прилетел мгновенно. Макс прислал страдающий смайлик и написал:

Максим: *«Жестоко, Ксюнь. Тогда тебе придется исправиться и слепить меня с натуры».*

Договорить мы не успели. Кирилл всё-таки улучил момент на светофоре, резко вырвал телефон из моих пальцев и вгляделся в экран.

— Блять, какой же он идиот, — процедил Кирилл, быстро листая нашу переписку вверх.

— Эй! Прекрати лезть не в своё дело! — тут же отозвалась я, ринувшись вперёд и выхватывая телефон обратно.

Я успела заметить, на каком именно моменте его взгляд замер. Это было вчерашнее вечернее сообщение от Макса, где тот прислал мне целую кучу глупых сердечек, а я в ответ отправила всего одно. Обычное, нейтральное белое сердечко. Но для Чернова это, видимо, стало последней каплей.

— Я, кажется, ясно просил не встречаться с ним, — прошипел он, и в ту же секунду внедорожник с визгом резко остановился прямо на обочине.

Кирилл зло обернулся ко мне, тяжело дыша и буквально прожигая во мне дыру.

— Больной, что ли?! — я ощутимо дернулась от этого резкого торможения, едва не вписавшись лбом в панель, и вскипела. Выставила руку вперёд и ткнула ему пальцем прямо в лицо. — Во-первых, я с ним не встречаюсь! — я ткнула в него уже двумя пальцами. — Во-вторых, это вообще не твоё дело! И в-третьих...

В этот момент мне даже засмеяться хотелось от того, как глупо и смешно это выглядит со стороны: я сижу в его тачке и отчаянно тычу ему пальцами в нос со словами «катись нахрен». Чтобы скрыть это, я тут же обиженно надула губы, демонстративно сложила руки на груди и отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

Остаток пути мы проехали в молчании. Когда мы наконец доехали до академии, Кирилл молча заглушил мотор, вышел, достал из багажника мою огромную черную сумку и молча потащил её в корпус. Он донес тяжелую ношу до самой кафедры, но, пока в коридоре никого не было, резко перехватил меня за локоть и прижал к стене.

— Я заберу тебя в шесть, — прошипел он мне прямо в лицо, наклонившись так близко, что его дыхание обожгло кожу. — И попробуй мне только не ответить на звонок или

снова куда-то свалить.

— Я же сказала, у меня дела! Катись на своё собственное свидание! — я попыталась вырвать руку, но его хватка была железной.

Кирилл так сильно поджал губы, что желваки на его щеки заходили ходуном, а взгляд потемнел.

— Я разберусь без тебя, с кем, когда и куда мне идти, поняла? — с расстановкой процедил он, чеканя каждое слово.
— В шесть. Не позже.

Он резко отпустил мой локоть, развернулся и размашистым шагом направился к выходу, оставляя меня одну у мольбертов.

Глава 13

Повествование от лица Кирилла

Я так и знал, что приехать в академию в субботу утром не закончится ничем удачным. Это было заведомо проигрышное решение. Меня перехватили прямо у главного входа, бесцеремонно развернув на пятках и попросив помочь, мотивируя это тем, что в корпусе сейчас, в выходной день, практически никого нет, кроме хрупких девчонок-студенток. И что же я делал вместо того, чтобы отсыпаться после вчерашнего? Верно. Таскал грёбанные деревянные мольберты в один из центральных залов искусств, где вечно проходили внутренние выставки. Мои руки до сих пор помнили запах лакированного дерева, но на этом мои мучения не закончились.

Кафедра решила добить меня окончательно, и в итоге меня отправили в галерею в самом центре города — отвезти пару ключевых работ, которые отобрала комиссия. Это было не просто папка, это было какое-то монументальное чемоданище с холстами, которое весило столько, словно туда закатали слитки золота, а не мазки акрила.

Семён Петрович — этот чудаковатый профессор в очках и с вечным пятном от белил на лацкане — сидел на пассажирском сиденье моей машины и всю дорогу монотонно бубнил под ухо, какой я хороший парень и какой я молодец. По его

словам, помощь молодому искусству — это всегда благое дело, которое обязательно зачтется мне на зачётах по культурологии. Я лишь крутил руль, лениво кивая и надеясь, что этот ад скоро закончится.

— Семён Петрович, а зачем мы везем всё это добро именно в центральную галерею? — все же спросил я, когда мы остановились на очередном светофоре. — Разве студенческие работы не должны пылиться на выставке в главном корпусе?

Профессор забавно почесал свой седой подбородок, поправил сползающие на кончик носа очки и загадочно усмехнулся.

— Видишь ли, Кирилл. Есть работы, которые я хочу показать на своей личной выставке, — он хитро зыркнул на меня через толстые линзы.

Я тут же дернул на него удивленный взгляд, на секунду отвлекаясь от дороги. Старик довольно прищурился.

— Да-да, — отозвался он на моё немое изумление. — Эта частная галерея в центре — моя. Моя давняя гордость, а теперь, я надеюсь, она станет и гордостью моих лучших студентов. Есть одна конкретная работа, которую я очень хочу показать городу. Я буквально разглядел в ней искру гениальности.

— И каков план? — хмыкнул я, выруливая на финишную прямую к заветному зданию.

— Конечно же, пока всё это будет выставляться бесплат-

но, — Семён Петрович вздохнул, глядя в окно. — Все-таки это работы студента, зелёного новичка, у которого ещё нет имени в арт-мире. Но если люди начнут ходить чаще, если пресса заинтересуется и холсты вызовут резонанс, то, поверь мне, эти работы очень далеко пойдут. И их автор тоже. А остальные холсты попроще останутся в академии, для внутреннего пользования.

Я заглушил мотор у парадного входа в галерею и бросил взгляд на огромное чёрное чемоданище, сиротливо лежащее на заднем сиденье моей тачки.

«Что ж там за шедевр-то такой скрывается? — цинично подумал я, открывая дверь и выходя на прохладный уличный воздух. — Не дай бог эта мазня в итоге не станет популярной. Я что, зря, получается, таскался в субботу ни свет ни заря и возился с этим хрычом, от которого на метр фонит масляной краской, дешевым табаком и едким углем?»

Если этот гений окажется обычным позёром, я лично заставлю Семёна Петровича поставить мне автомат по всем гуманитарным предметам до конца бакалавриата.

Выгрузив снова всё это добро из багажника, я поплёлся внутрь и стал помогать выставлять и развешивать холсты. Галерея оказалась и правда огромная, светлая, с высокими потолками и крутым студийным светом. Я даже невольно подумал, что было бы здорово привести сюда Ваниль — раз уж она так фанатеет по искусству, тут бы она точно пищала от восторга. Вообще-то, в моих планах на сегодняшний вечер

было просто сводить её в хороший ресторан, наладить хоть какое-то нормальное, человеческое общение. Но этот вариант с выставкой подошёл бы идеально.

Вот только препод сразу же обрезал мой гениальный план на корню. Семён Петрович строго заявил, что галерея закрыта для любых посещений до понедельника. Мол, сначала нужно всё довести до ума, настроить свет, закончить развеску, и только тогда он откроет двери, чтобы люди смогли оценить экспозицию.

Делать нечего. Я послушно принялся вешать картины на белые стены, поначалу даже не обращая внимания на то, что именно на них изображено. Мозг работал на автопилоте, я просто выполнял указания старика:

«Левее, Кирилл... Еще чуть-чуть правее... Вот так, закрепляй».

А потом я замер.

Повесив очередной массивный холст на специальные крепежи, я сделал несколько шагов назад, чтобы проверить уровень, и у меня чуть глаза на лоб не полезли. Со стены на меня дышало тяжёлое, пронзительное грозовое небо. Написанное углём и маслом, оно казалось настолько живым, что по коже пробежали иголки холода. Чёрт. Я был абсолютно, на сто процентов уверен, что уже видел этот сюжет.

— Чья это работа? — с трудом вернув себе дар речи, спросил я, не отрывая взгляда от грозовых туч.

Семён Петрович довольно усмехнулся и поправил очки.

— О-о-о, это одна замечательная студентка, которая перевелась к нам буквально недавно. Уникальный дар! Светлова Ксения. Посмотри, как передана атмосфера. Всё так детально, словно мы смотрим не на холст, а в настоящее окно во время шторма.

Я молча кивнул. Картина и вправду была идеальной. Та мазня — точнее, тот незаконченный бред линий, который я мельком видел в её комнате, когда она только начинала, — по сравнению с тем, что висело сейчас перед моими глазами... это небо казалось чистой магией. Словно Ксюша выплеснула на холст не просто краску, а саму эмоцию надвигающейся бури, которая бушевала у неё внутри.

— Эту картину вы хотите показать городу как главный шедевр? — спросил я, оборачиваясь к профессору.

— Что вы, что вы! — замахал он руками, хитро улыбаясь. — У меня для главного зала припасена другая работа. Но её я размещу сам, в определенном, закрытом зале. Секрет фирмы, так сказать. Ну что ж, спасибо тебе за помощь. Ты очень выручил старика.

Профессор крепко пожал мне руку. Я ещё пару минут ту-по постоял у грозового неба, разглядывая Ксюшин автограф в углу подрамника, и всё-таки уехал. Сел в машину, завёл мотор. В голове крутилась только одна мысль: она реально талантливая. Сумасшедше талантливая девчонка. Теперь стало понятно, почему она все эти недели сидела безлазо в своей комнате, работая как проклятая над этими заказами.

Я отъехал от галереи, но на середине дороги меня будто током ударило. Я резко ударил по тормозам прямо посреди полосы, развернулся через двойную сплошную под возмущенные гудки машин и на всех парах полетел обратно. Вбежал в галерею, запыхавшись, и быстро нашел глазами недоумевающего Семёна Петровича.

— Семён Петрович, — выпалил я, переводя дыхание. — Я хочу купить эту картину. Вот это грозное небо. Как только закончится выставка, не отдавайте её никому, умоляю. Я заплачу любую сумму, которую назовете, просто оставьте её за мной.

Мужчина лишь добродушно хохотнул, глядя на мой безумный вид, и назвал примерную стартовую сумму, за которую обычно можно продать начальную, дебютную работу перспективного студента. Деньги были приличные, но для меня это не имело значения. Я тут же, не раздумывая, пожал с ним руку, скрепляя уговор.

Мне до безумия была нужна её первая серьёзная работа. И я собирался забрать её себе во что бы то ни стало.

Глава 14

Я прие

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.